

РУССКАЯ СПЕЦСЛУЖБА – ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

ФСБ РУССКИЙ
007

С е р г е й Д о н с к о й

**ЕСЛИ ЗАВТРА
НЕ НАСТУПИТ**

Капитан ФСБ Евгений Бондарь

Сергей Донской

Если завтра не наступит

«Автор»

Донской С. Г.

Если завтра не наступит / С. Г. Донской — «Автор»,
— (Капитан ФСБ Евгений Бондарь)

Чеченский террорист Чака-Медведь даже среди отморозков вызывал ужас. Человек с медицинским образованием, он никогда не расставался со скальпелем. И снимал им кожу с живых людей. Вот такой выродок скрывался в Грузии под именем Давида Гванидзе, а потом был похоронен на тбилисском кладбище... Но у капитана ФСБ Евгения Бондаря, который прибыл в страну победившей «революции роз» с заданием разыскать «чеченского зверя», есть большие сомнения в том, что Гванидзе действительно умер. Ведь в упокоении имени и памяти Чаки-Медведя заинтересована и всемогущая тайная грузинская жандармерия, и резидент ЦРУ в Тбилиси. Бондарь, конечно же, разыщет чеченского монстра во что бы то ни стало, если он еще жив. Впрочем, капитан ФСБ умеет будить даже мертвых...

Содержание

Кавказская пленница	5
Лубянка, о, эти ночи, полные огня!	20
Расцветай под солнцем, Грузия... вот только чья?	28
В лабиринтах загадочной русской души	32
«Утка» по-тбилиски	37
Сногшибательная мисс Лиззи	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Донской

Если завтра не наступит

Кавказская пленница

1

Осень в Грузии выдалась на славу, один погожий денек сменялся другим, таким же погожим, солнце светило вовсю, зелень горных склонов оставалась почти не тронутой желтизной увядания. Прозрачный ноябрьский воздух был свеж и чист, однако вышедший на балкон Гванидзе не стал вдыхать его полной грудью, а вместо этого достал сигарету и закурил.

Пачка настоящего «Парламента», которую он небрежно сунул в карман, стоила шесть лари – целое состояние по здешним меркам. За такие деньги можно было приобрести, например, два кило незаменимого в горах молочного порошка, двадцать литров хорошего бензина или закупить в ближайшем селении целые горы зелени, фруктов, орехов и кукурузы. При этом приличная квартира в пригороде Тбилиси оценивалась в каких-то шесть тысяч лари.

Ха! Скажите, пожалуйста!

Давид Гванидзе, выкуривавший две пачки «Парламента» в день, запросто смог бы обзавестись такой квартирой за счет одной только экономии на сигаретах. Впрочем, такого желания у него не возникало. Когда пришло время выбирать, Гванидзе предпочел поселиться в уединенном доме на Джавахетском нагорье, и такое положение вещей устраивало его во всех отношениях.

Он был неприхотливым человеком, привыкшим к спартанскому образу жизни. Тем не менее сбережения у него водились, солидные сбережения. Возможно, он был самым состоятельным человеком во всем малонаселенном Болнисском районе Грузии, простирающемся от границы с Азербайджаном до русла Куры.

Кто знает?

Гванидзе не сорил деньгами и вообще редко появлялся на людях. Минувшим летом он раз в неделю отправлялся в Тбилиси, чтобы обстоятельно пообедать в одном из тамошних духов, где кормили ничуть не хуже, чем в дорогих ресторанах «Европа», «Метехи» или «Алазани». Гванидзе не любил ресторанную суету. Избегал он также новомодных клубов и казино, справедливо полагая, что на молодежных танцульках в «Казбеги» ему делать нечего, а визгливый джаз в гостинице «Аджария» пусть слушают те, у кого и без всякого джаза мозги набекрень. Если уж Гванидзе хотелось вкусить плодов ночной жизни, то он выкладывал пять лари за вход в кабаре «Оскар», наслаждался программой стриптиза, а потом выбирал девочку посочней да попышней и увозил ее к себе.

С недавних пор необходимость пользоваться платными услугами тбилисских проституток отпала. Все, что приобретал Гванидзе в столице, умещалось на заднем сиденье его джипа – продукты, курево, выпивка, всякие житейские мелочи или, например, старые манекены из папье-маше, завалившиеся в парикмахерских. Последние доставались ему почти даром.

«Лендровер Дискавери» с шипованными данлоповскими шинами был единственным наглядным предметом роскоши, которую он себе позволял. Впрочем, какая это роскошь? На чем еще, как не на джипе, ездить по извилистым дорогам Малого Кавказа, вздымающимся на два-три километра над уровнем моря?

Слегка разреженный воздух был привычен для легких Гванидзе. Жилище в горах ему нравилось. Проблем с электричеством, газом и отоплением не возникало. Прежний владелец

двухэтажного дома установил в подвале двигатели, работающие от мощных аккумуляторов электровозов. Они исправно качали и грели воду, а газовые камины, подключенные к баллонам, обогревали дом. Единственное неудобство доставляло монотонное жужжание, издаваемое этими устройствами. Но это была не такая уж высокая плата за уединение, к которому стремился Гванидзе.

Его дом находился в двух километрах от озера Табацкури, возникшего в незапамятные времена прямо в жерле остывшего вулкана. Четырнадцать квадратных километров чистой воды, и ни души вокруг. Когда-то тут было полным-полно туристов, но после развала СССР многое, очень многое переменялось.

«Был туризм, стал терроризм», – подумал Гванидзе.

Хотя мысль была забавной, он не улыбнулся. Его взгляд был прикован к кремовой «Волге», катившей по дороге, что пролегла вдоль скалистого побережья озера. У развилки машина свернула и начала преодолевать затяжной подъем к дому. Вскоре Гванидзе смог разглядеть на ее боку трафаретные шашечки, нанесенные в те незапамятные времена, когда еще существовали всякие там таксопарки, тарифы и графики выездов, о которых нынче и думать забыли. За рулем допотопной «Волги» сидел не кто иной, как старый армянин по прозвищу Ара, известный всей округе.

Как правило, он возил пассажиров из Тбилиси в райцентр Марнеули или в близлежащие поселки, куда не ходили рейсовые автобусы. Случалось, он даже доставлял редких гостей непосредственно к Давиду Гванидзе. Но нынче Гванидзе не ждал никаких гостей, да и человек, сидевший рядом с Арой, был ему незнаком.

Кто он такой, этот тип, прячущий глаза за сверкающими очками и баюкающий на коленях портфель с золочеными застежками?

Какая нелегкая его принесла?

2

Гванидзе спустился вниз, а затем, заметно косолапя и переваливаясь на ходу, направился к «Волге», остановившейся посреди двора.

Могучий, рослый, заросший черной бородой по самые глаза, с крупным носом, перечеркнутым шрамом, он смахивал на дикого горца, которому шутки ради вздумалось обрядиться в спортивный костюм и держать под рукой мобильный телефон вместо кинжала.

Вокруг «Волги» оседала густая пыль, серая и сухая, как порох. Никелированный олень сиял на раскаленном капоте, отражаясь в глазах Гванидзе. Один из них был стеклянным, что придавало взгляду обладателя пугающую пронизательность, особенно когда он умышленно смотрел на собеседника по-орлиному, не мигая.

Ара, намеревавшийся поздороваться с хозяином дома, наткнулся на этот пристальный взгляд и предпочел уронить голову на баранку, прикидываясь сильно уставшим.

Зато распахнулась правая дверца такси, выпуская наружу козлобородого пассажира в легкомысленном голубом костюмчике. Гванидзе выжидательно замер. Что нужно здесь непрошеному гостю, который кряхтит и скрипит суставами, как дряхлый старик, а одевается, словно юноша, явившийся на первое свидание? Зачем он повязал яркий шейный платок и с какой стати выкрасил в морковный цвет свои седые кудри, на которые теперь и глядеть-то противно?

Задавая себе эти и многие другие вопросы, Гванидзе расплылся в радушной улыбке.

– Гамарджоба, – поздоровался он по-грузински.

Пожимая протянутую руку, приезжий не улыбнулся в ответ, а лишь досадливо поморщился:

– Насколько мне известно, ваша фамилия Гванидзе, а не Гамарджоба. Давайте не будем начинать знакомство с уверток и хитростей. Я приехал поговорить с вами начистоту.

Это было произнесено по-русски, и Гванидзе тоже перешел на русский, проделав это с автоматизмом водителя, переключившего скорость на горной дороге. В его голосе лязгнул металл.

– Говори, – грубо предложил он, давая понять, что не ожидает услышать из уст собеседника ничего интересного.

Тот спрятал руки с портфелем за спину и качнулся с пятки на носок:

– Итак, вы не отрицаете, что являетесь господином Гванидзе?

– Не отрицаю, – подтвердил Гванидзе, бросив испытывающий взгляд на таксиста, старательно дремлющего за рулем.

– И правильно делаете, – заверил его приезжий. – Это было бы глупо с вашей стороны. Я видел вашу фотографию, а зрительная память у меня отменная, не сомневайтесь.

– Фотографию? – удивился Гванидзе.

– Представьте себе, – важно кивнул приезжий.

– Мою?

– Да уж не вашего нынешнего президента с голубем мира на плече.

Вообразив себе эту картину, приезжий не удержался от насмешливого фырканья. Зрячий глаз хозяина дома, отметивший гнусную ухмылку гостя, сделался точной копией стеклянного.

– Где же ты видел мою фотографию? – спросил он.

– Не имеет значения, любезный. *Пока* не имеет значения.

Пальцы Гванидзе скрючились, подобно когтям беркута. Испытывая жгучее желание вцепиться в лацканы голубого пиджака и трясти его до тех пор, пока находящийся внутри наглец не откусит кончик собственного языка, он неприязненно осведомился:

– Эй, зачем загадками говоришь? Ты кто вообще такой, слушай?

– Я Падалица, московский адвокат, – заявил приезжий таким тоном, словно здесь, на крошечном плато, затерявшемся среди хребтов Малого Кавказа, это что-то значило.

– Не понял, – ухмыльнулся Гванидзе. – Все-таки *падалица* или *адывакат*? – Он умышленно коверкал некоторые слова, хотя обычно изъяснялся по-русски почти без акцента.

Ответ был преисполнен спеси, присущей москвичам, плохо осведомленным о реалиях жизни за пределами столицы:

– Да, представьте себе, адвокат. Юрист.

– *Блюрист*, ага. – Гванидзе понимающе кивнул. – Только если ты приехал оказывать юридические услуги, то ошибся адресом, дорогой. Клиентура тут *сытьцыфывическая*. Одни дикие свиньи вокруг. Им, извини, на адвокатов насрать с высокой горы.

– Я попросил бы вас держаться в рамках приличий, – повысил голос Падалица, борода которого затряслась от возмущения. – Вы, между прочим, имеете дело с заслуженным юристом Российской Федерации, действительным членом совета Адвокатской палаты Москвы, награжденным золотой медалью имени Плевако!

– Действительный *члэн*... *Плывако*... – перечисляя регалии собеседника, Гванидзе скривился, будто нюхнул тухлятины. – Ты не нервничай, дорогой, не лезь в бутылку, ладно? Я просто хочу выяснить, как к тебе обращаться. Если я стану говорить тебе: «член», ты можешь обидеться. А Падалица звучит как-то не очень солидно, согласись.

– Между прочим, это очень известная и славная юридическая династия, – выпятил грудь Падалица. – Но обращаться ко мне лучше на «вы» и по имени-отчеству. К вашему сведению, зовут меня Генрих Павлович.

– И чего же ты от меня хочешь, Генрих Павлович? – прищурился Гванидзе.

В его устах это прозвучало почти оскорбительно: *Падыловыч*.

– Я приехал к Веронике Зинчук, – заявил Падалица, перемещая портфель под мышку. В стеклах его очков промелькнули зловещие отблески.

– Кто такая? – недоуменно вскинул брови Гванидзе.

– Не прикидывайтесь, любезный. Вам отлично известно это имя.

– Впервые слышу, мамой клянусь. Вероника какая-то... Кто она такая, слушай?

Издав саркастический смешок, Падалица извлек из портфеля свежий номер «Телегида» и продемонстрировал собеседнику фотографию на обложке.

– Хорошая девочка, – одобрил тот, – хотя, наверное, уже не очень молодая. Жаль, жаль. – Гванидзе сокрушенно чмокнул губами. – Спелый персик хорош лишь до тех пор, пока не перезреет. Курага из него не получится.

– Я не про фрукты с вами толкую, – помрачнел Падалица, – не про персики с курагой, а про известную певицу Веронику Зинчук. Все столичные масс-медиа трубят о ее исчезновении, гадая, куда она подевалась во время гастролей по Грузии, а кое-кто... – тут последовала значительная пауза, – а кое-кто отлично осведомлен о ее местонахождении, но почему-то молчит. – Высказавшись таким образом, Падалица поправил пальцем дужку очков и подался вперед. – Спрашивается: почему?

Давая понять, что он спит и ничего не слышит, таксист Ара всхрипнул, что получилось у него не слишком правдоподобно. Подхватив гостя под руку, Гванидзе увлек его подальше от «Волги» и заговорил не раньше, чем они оказались на безопасном расстоянии от волосатых ушей армянина.

– Пойми, дорогой, ты не по адресу обратился, – гудел он. – Я не увлекаюсь музыкой, не читаю газет.

– Но телевизор смотрите? – предположил Падалица, покосившись на тарелку спутниковой антенны. – За последнюю неделю было несколько репортажей о провалившихся гастролях Вероники Зинчук и Константина Каренина. Знаменитый дуэт как-никак. Любимцы публики.

– Дуэт? – переспросил Гванидзе. – Не знаю такого. Ну-ка, напойте что-нибудь из их репертуара.

– Прекратите паясничать! – прикрикнул Падалица, которому всегда было не занимать гонора. – Я приехал побеседовать с Вероникой от имени и по поручению своего клиента. Если она не проявит благоразумия, Константин начнет бракоразводный процесс в одностороннем порядке и лишит ее не только имущественных, но и материнских прав. Он дает ей шанс в память о прошлом. – Открыв журнал на нужной странице, Падалица протянул его Гванидзе. – Вот, читайте. – Он ткнул пальцем в обведенную фломастером статью. – Надеюсь, после этого у вас не останется сомнений в серьезности наших намерений.

3

Недоверчиво приподняв брови, Гванидзе полюбовался красочным снимком дуэта, а потом пробежался взглядом по набранному курсивом тексту:

Слухи о том, что у Константина Каренина и Вероники Зинчук с личной жизнью не все в порядке, ходили уже давно. Теперь же сплетники категорически заявляют о грядущем разводе. Записываться на пару Каренин и Зинчук давно перестали, потом они прекратили появляться вместе на светских вечеринках и давать интервью, а теперь, говорят, Вероника и вовсе сбегала с любовником, оставив Костю в одиночестве прямо накануне его 35-летия. Это произошло во время совместного кавказского турне, что повлекло за собой внушительные штрафные санкции от организаторов концертов. Однако моральный ущерб, причиненный Вероникой супругу, обещает многократно превысить размеры ущерба материального. Если дело будет доведено до суда, Вероника Зинчук рискует остаться у разбитого корыта.

Пока что ситуация напоминает затишье перед бурей. Каренин перестал бриться и хранит угрюмое молчание. Четырехлетнюю дочь вместе с тещей певец отправил отдыхать в Турцию, из чего журналисты сделали вывод о начале очередного каренинского запоя. В прессе

даже проскользнули сообщения о том, что Константина постоянно видят в московских барах, где он заливает горе неимоверным количеством виски в компании длинноногих девиц из модельного агентства «Эскорт-плюс».

Автору неизвестно, как обстоит дело по ночам, но днем Константин почти трезв, собран и, похоже, намерен добиваться сатисфакции самым решительным образом. Уже наняты лучшие частные детективы и адвокаты, собравшие необходимые документы для оформления развода.

– Чушь, – прокомментировал Гванидзе, возвращая журнал. – Этим газетчикам больше не о чем писать, что ли? Константин Каренин какой-то, Вероника... Кому они нужны? Лично я про них ничего не знаю и знать не хочу.

– Не прикидывайтесь, господин Гванидзе, – сурово произнес Падалица. – Вы не только знакомы с Вероникой Зинчук, вы прячете ее у себя, да-да, прячете, любезный. Я ведь не случайно к вам приехал. Пусть Вероника выйдет ко мне, и тогда я оставлю вас в покое. В противном случае мне придется обратиться в соответствующие органы.

– В какие органы, дорогой?

– Да хотя бы в ФСБ России.

Гванидзе выпучил глаза:

– Русские приедут в Грузию, чтобы арестовывать неверную жену?

Падалица, придерживая очки, отрицательно качнул головой:

– Они займутся вами.

– Какое им до меня дело?

– Сами знаете, любезный. Здесь, – Падалица многозначительно похлопал по портфелю, – здесь находятся кое-какие сведения, касающиеся непосредственно вас. Детективы, искавшие Веронику, не поленились поинтересоваться вашей персоной и накопили немало любопытного. – Падалица приблизился к Гванидзе вплотную и понизил голос: – Одним словом, или вы предоставляете мне возможность повидаться с Вероникой, или я обеспечиваю вам свидание с российскими спецслужбами.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – упрямо гнул свое Гванидзе.

Бороденка Падалицы встопорщилась. Чуть ли не щекоча ею ухо собеседника, он с угрозой прошептал:

– Тогда, может быть, напомнить вам о некоем полевом командире чеченских боевиков по кличке Чака-медведь? Его прозвали так за косолапую походку, которая появилась у него после ампутации отмороженных пальцев ног, а операцию он сделал себе сам, без наркоза.

– Неужели? – дернул бровью Гванидзе.

– В молодости Чака закончил Краснодарский медицинский институт, где его научили обращаться со скальпелем, – многозначительно произнес Падалица. – Однажды он даже осколок мины себе из глазницы удалил, тоже собственноручно.

– Не может быть!

– Может, любезный, еще как может. С тех пор один глаз у Чаки вставной, в точности, как у вас. – Воодушевленный угрюмым молчанием Гванидзе, Падалица перешел на приглушенную скороговорку: – Впрочем, бог ему судья, Чаке. Обещаю вам полную конфиденциальность. По большому счету мне нет никакого дела до вашего героического прошлого. Выдайте мне Веронику, и я оставлю вас в покое. Зачем она вам? Немолодая избалованная дамочка с задатками хронической алкоголички. Между нами говоря, я подозреваю, что без ретуши и грима она не так уж хороша собой. Стоит ли рисковать ради этой сомнительной особы?

Черные зрачки Гванидзе – настоящий и искусственный – вспыхнули, как пара угольков, а шрам на переносице побелел, выделяясь на смуглой коже заметней обычного. Поглаживая его пальцем, Гванидзе заговорил самым примирительным тоном, на который был способен:

– Не знаю, что там наплели тебе твои сыщики, но произошла ошибка. Вероники в моем доме нет, никакого Чаку я не знаю. Возвращайся в Москву, вот тебе мой добрый совет, дорогой. А сюда дорогу забудь. Закон гор обязывает меня быть гостеприимным, но этот же закон велит мне охранять свое жилище от врагов. С оружием в руках, – уточнил Гванидзе, запуская руку в карман, где ничего, кроме сигаретной пачки, не было.

Падалица опасливо отстранился.

– Вы с ума сошли, – процедил он, пятясь. – Я предлагаю вам взаимовыгодную сделку, только и всего. Будьте благоразумны...

– Кому здесь не хватает благоразумия, так это тебе, – отчеканил Гванидзе, наступая. – Убирайся, прохвост, пока я не прогнал тебя пинками! Пошел вон!

– Ах так? – ощерился Падалица. – Ладно, я уеду. Но не обижайтесь, когда вместо меня здесь появятся люди, которые давно ищут с вами встречи.

В тот момент, когда он суетливо протискивался в такси, дверь дома распахнулась. Гванидзе резко обернулся, едва не вывихнув шею. Нижняя челюсть Падалицы отвисла.

На крыльце показалась женщина, с недоумением уставившаяся на стоящую посреди двора «Волгу».

Это была Вероника Зинчук собственной персоной. Не слишком трезвая, растрепанная, в длинной ночной рубашке на голое тело, с бутылкой вина в левой руке и с дымящейся сигаретой в правой.

– У нас гости? – манерно спросила она, округлив и без того большие глаза, придававшие ей сходство с мультипликационной стрекозой.

– Вах! – с досадой воскликнул Гванидзе, как это сделал бы на его месте любой грузин, попавший впросак.

Угольки в его зрачках потухли. Взгляд затуманился. Рука, сунутая в карман, смяла пачку «Парламента» да там и осталась. Стиснутая в кулак.

4

Падалица выскочил из машины, как чертик из табакерки, и, размахивая портфелем, заторопился к дому.

– Вероника?

Присмотревшись к нему, она, наконец, сообразила, что появилась во дворе нехстати, и тут же исчезла, захлопнув дверь. Гванидзе, не сдвинувшийся с места, выругался сквозь зубы:

– Безмозглая куропатка! – Взглянув на адвоката, злобно прибавил: – Баран безмозглый.

А тот, победоносно вскинув бородку, уже направлялся к нему. Остановившись перед Гванидзе, он спросил, усмехаясь:

– Ну как, вы по-прежнему будете утверждать, что я ошибся адресом? Или все-таки согласитесь уделить мне толику своего драгоценного внимания?

Голос Падалицы был пропитан ядовитым сарказмом. Гванидзе смерил его тусклым взглядом:

– Уделю.

– Тогда повторю свои условия...

– При посторонних ничего обсуждать не буду, – резко сказал Гванидзе, изо всех сил сдерживая клокочущую в груди ярость. – Пошли в дом, там поговорим.

Адвокат оглянулся на сонно хлопающего глазами таксиста, окинул внимательным взглядом двор и решил рискнуть. Причитающийся гонорар был слишком велик, чтобы отступить теперь, когда поручение было наполовину выполнено. Кроме того, у Падалицы имелся свидетель, присутствие которого вселяло в него уверенность. Следуя за хозяином дома, он вошел в просторную темную комнату с закопченным жерлом камина и чинно сел на предложенный

стул, положив руки поверх застеленного скатертью стола. Не произнеся ни слова, Гванидзе удалился, а через несколько секунд на его месте возникла заламывающая пальцы Вероника. Ни сигареты, ни бутылки при ней не было, но набросить халат она почему-то не удосужилась, так что у Падалицы появилась возможность убедиться в почти идеальной прозрачности ее ночной рубашки. В результате он на некоторое время лишился дара речи, зато его зрение невероятно обострилось, позволяя разглядеть такие детали, о которых он прежде не подозревал.

Груды Вероники казались парой тугих объемистых мячиков, спрятанных за пазухой, все ее сдобное тело было усыпано крупными изюминами родинок, а рыжая растительность на лобке свидетельствовала о том, что певица вовсе не жгучая брюнетка и не натуральная блондинка, каковой любила представлять на сцене и в клипах.

Падалица шумно сглотнул. Круглые глаза Вероники смотрели на него напряженно и испуганно. Будучи москвичкой, она узнала именитого адвоката, часто мелькавшего на светских тусовках, и явно не знала, как себя вести.

– Вы... – Падалица кашлянул в кулак. – Вы можете переодеться, я не тороплюсь.

Оглянувшись на дверь, Вероника энергично помотала головой, отчего ее груди пришли в движение, тяжело колыхнувшись под тонкой тканью. В жизни певица не выглядела красивее, чем на фотографиях или на экране, но была намного аппетитней. Чувства Падалицы пришли в смятение. Он не знал, куда девать глаза. Еще никогда ему не приходилось вести переговоры в столь щекотливой ситуации. Беспреданно покашливая, словно неизлечимый туберкулезник, он постучал пальцами по лежащему на коленях портфелю и заставил себя перейти к сути дела:

– Ваш, гм, супруг уполномочил меня сообщить вам следующее. Сам факт супружеской измены его абсолютно не волнует, но своим вызывающим, гм, поведением вы дискредитируете семейный дуэт и бросаете тень на доброе имя, гм, Константина Каренина. – Воровато поглядывая на туманные очертания фигуры собеседницы, Падалица не мог отделаться от желания повалить ее на пол, чтобы продолжить общение в более непринужденной обстановке. – Вы ведь не только, гм, жена, но и мать, – воскликнул он тем страстным тоном, без которого не обходится ни одно выступление опытного адвоката. – Вам должно быть стыдно за свое недостойное поведение, милая моя!

– Мне стыдно, – тихо сказала Вероника и снова оглянулась на дверь. Создавалось такое впечатление, что она находится в комнате не по собственной воле, а по указке Гванидзе.

«На что они рассчитывают? – спросил себя Падалица. – Хотят соблазнить меня, как какого-то желторотого мальчишку? Что ж, пусть попробуют!»

«Пусть, – оживился внутренний голос, – пусть попробуют. Мы ведь своего не упустим, верно?»

– Это хорошо, что вам стыдно, – важно наклонил голову Падалица. – Значит, не все потеряно. Сейчас мы вместе сядем в такси и поедem в аэропорт. Константин был вне себя от ярости, когда вы сбежали с этим... – голос Падалицы понизился до шепота, – с этим неотесанным дикарем, но он дает вам шанс. Одумайтесь. Паблисити такого рода отразится на вашей карьере самым пагубным образом. Константин не хочет огласки, воспользуйтесь же его благородством.

– Благородство! – скривилась Вероника. – Такое впечатление, что речь идет о каком-то рыцаре, а не о моем муженьке-забуддыге, который, наверное, заметил мое отсутствие лишь на второй день.

– Выяснять отношения будете дома, – тихо произнес Падалица. – Одевайтесь – и поехали. Вы даже не представляете, с каким монстром связались. Гванидзе не тот человек, за которого себя выдает.

– А кто же он?

– Ого, милая моя! Я осведомлен о некоторых его кошмарнейших злодеяниях. – Падалица выпучил глаза, как если бы подавился сливовой косточкой. – В начале девяностых, когда чеченцы чуть ли не каждый день брали заложников, чтобы потребовать выкуп у родствен-

ников, так называемый Чака-медведь зверствовал с особой жестокостью. Отрубал пленным пальцы, руки, отрезал уши... А однажды, не получив денег, он содрал кожу с лица итальянской журналистки, заснял ее обезображенный труп на видео и отправил кассету в редакцию. Как вы можете терпеть общество такого садиста?

Вероника вздрогнула всем телом и наклонилась, опираясь об угол стола.

– Зачем вы рассказываете мне эти ужасы? – прошипела она, обдав собеседника запахом перегара. – Какой еще Чака? При чем тут Гванидзе?

Падалица подался вперед, чтобы ответить, но не успел. Дверь открылась, впуская в комнату хозяина дома. Буравя своим зрячим глазом то Веронику, то адвоката, он невозмутимо произнес:

– Генрих *Падьлович* хочет сказать, что Чака и Гванидзе являются одним и тем же человеком. Он прав. И что дальше?

5

Вероника Зинчук не была готова к ответу на этот вопрос. Она не знала, что делать дальше. Она совсем запуталась в своих отношениях с мужчинами и алкоголем, в особенности с алкоголем. Ведь именно из-за него все пошло наперекосяк.

Неудачно записанный вокал можно подкорректировать за микширским пультом, а как быть с неудачно сложившейся судьбой? Жизнь не отмотаешь обратно, не перепишешь заново, не очистишь от фальши. И получается в итоге полная лажа.

Своей главной ошибкой Вероника считала брак с Константином Карениным, представившимся ей, провинциалке из циркового училища, богом с музыкального Олимпа. Теперь, когда обоим перевалило за тридцать, она находила в нем гораздо больше изъянов, чем достоинств. Внешне он по-прежнему смахивал на Бельмондо, но этот Бельмондо все сильнее, все заметней опухал от пьянства. Да и сама Вероника тоже не хорошела, переняв Костину манеру взбадриваться крепкими напитками. На то они и крепкие, чтобы побеждать слабых. Одних раньше, других позже.

Константин вступил в эту неравную битву еще студентом-первокурсником, обзаведясь к тридцати годам хронической язвой желудка и целой горой коробок из-под коллекционного коньяка. «Построю из них дворец, и будем там жить», – приговаривал он в подпитии, и Вероника улыбалась, хотя сердце ее сжималось от смутной тревоги.

Впрочем, тревога вскоре улетучилась, точнее, была задвинута в самый дальний уголок сознания. Сразу после венчания Константин Каренин, находившийся тогда в зените популярности, привел молодую жену в огромную двухэтажную квартиру в доме на набережной, напротив Киевского вокзала. Обстановка тут была потрясающая. Репортеры, явившиеся полюбоваться семейным гнездом звездной пары, позеленели от зависти и не замедлили по этому случаю надраться. «Все это создавал я сам, с дизайнером и строителями, – похвалялся перед ними Константин. – Я хотел любимой жене подарить этот быт и подарил. Вместе с собой».

«И вместе со своим папашей», – мысленно добавляла Вероника.

Свекор жил прямо над супругами и, будучи заядлым бильярдистом, никогда не упускал случая спуститься вниз, чтобы, как он выражался, «постучать шарами».

«Погреметь костями», – по мнению Вероники, это звучало ближе к истине.

Каренин-старший частенько напивался до такого катастрофического состояния, что засыпал прямо на бильярдном столе, откуда с грохотом сваливался под утро. Вероника упорно не желала воспринимать это как милое чудачество. Константин, заглядывавший в бутылку все чаще и чаще, оправдывал папашу, а заодно и себя.

«Все по-разному себе нервы успокаивают, – примирительно говорил он. – Кто-то, знаешь, крестиком вышивает, рыбку ловит или пулюк расписывает, но нам, артистам, людям творче-

ским, а потому легковозбудимым, этого не дано. У нас постоянно нервы на пределе, а их нужно расслаблять».

«Так все-таки бильярдом или алкоголем?» – язвительно спрашивала Вероника. «Алкоголем, как это ни банально, – вздыхал Константин, открывая бар. – К моему глубочайшему сожалению».

«Ну, тогда и я воспользуюсь твоим рецептом, – заявила однажды Вероника. – Наливай, творческая натура».

И было налито, и было выпито... И пошло-поехало... И оказалось, что двум на славу расслабившимся артистам может быть очень тесно в одной квартире. Даже в самой просторной, даже в самой шикарной. А еще оказалось, что лучше бы все-таки Вероника вышивала крестиком, чем следовала примеру мужа. Потому что она не просто прошла его путем, а покатилась – стремительно и безоглядно.

Редко какое турне пары обходилось без совместных пьяных эксцессов, а когда Константин с Вероникой появлялись на тусовках, фотографии не отходили от них, предвкусывая очередной скандал или даже обмен пощечинами, сделавшимися чем-то вроде коронного номера дуэта. Такая вот у них появилась семейная традиция. Традиция появилась, а семья фактически распалась.

Окончательно это стало ясно во время последних гастролей по Грузии.

И зачем только супруги согласились поучаствовать в празднествах по поводу дня рождения художника Пиросмани в его родной кахетинской деревеньке Мирзаани? Бессмысленный вопрос. Главное, что они согласились. Может быть, захотели блеснуть во всей своей московской красе перед местной элитой. Может, им польстило то, что приглашение было собственноручно подписано канцелярией харизматического Михаила Саакашвили. А может, они просто решили угоститься настоящими грузинскими винами, которые в Москве не купишь ни за какие деньги. Ведь «Мукузани», «Алекса́ндреули» и «Хванчкара» совершенно не переносят перевозки на дальние расстояния. Достаточно сильно щелкнуть по бутылке, чтобы капризное кахетинское вино потеряло свои неповторимые вкусовые качества.

Об этом поведали артистам организаторы праздника Пиросманоба, утверждавшие, что «Мукузани» или «Киндзмараули» следует потреблять прямо на месте. Именно так поступал великий поэт Пушкин, который предпочитал кахетинское вино бургундскому, говорили они. А если сам великий Пушкин не брезговал угощением местных виноделов, то его благодарным потомкам и вовсе негоже отказываться от предложенной чести.

И благодарные потомки не отказались. И позволили увезти себя в Мирзаани. И сполна испытали на себе все прелести грузинского застолья.

Начиналось все довольно чинно. В родной деревне Пиросмани собрались сотни почетных гостей, среди которых были киноартисты, культурные деятели, послы, министры и даже гарант Конституции собственной персоной. Опустошив рог, преподнесенный ему девушками в национальных костюмах, он задумчиво выслушал хвалебную песнь, а потом вдруг вскинул голову, полыхнул очами, сверкнул зубами и преисполнился такой невиданной энергии, что дальнейшее напоминало сошедшую с тормозов карусель.

Тосты, тосты, тосты. Песни, пляски. И снова тосты, тосты. За великого Пиросмани, этого грузинского Леонардо да Винчи, Пикассо и почему-то Лермонтова. За великого Пиросмани и не менее великую Грузию. За великого Пиросмани и величайшего президента великой Грузии. А также за дорогих гостей, за их уважаемых родителей и снова за несравненного президента, который для всего народа все равно что родной отец и Пиросмани в одном лице.

Воспоминания Вероники о празднике были отрывочными, как музыкальный клип. Вот ее с мужем ведут по музею, смахивающему на гитлеровский бункер, а вот они дышат свежим воздухом, стоя на террасе, откуда открывается чудесный вид на Алазанскую долину. Экскурсоводам приходится верить на слово, поскольку внизу все затянуто вечерней мглой...

Твердо решив немедленно возвращаться в Тбилиси, чтобы успеть на концерт, Вероника с Константином внезапно оказываются на дощатой сцене под открытым небом, исполняя а капелла свой последний хит сезона, плавно переходящий в «Где же ты, моя Сулико», подхваченную многоголосым хором зрителей. Над головами супругов балкон с микрофонами, оттуда звучат речи министров, поэтов и ученых, перемежающиеся песнями и плясками внизу...

В какой-то момент Веронику вежливо берут под руки и подводят к какому-то важному деятелю, пожелавшему лично засвидетельствовать свое почтение. Она заворуженно наблюдает за брызгами слюны, слетающими с его острых зубов, отстраненно думает о кролике из мультфильма про Винни-Пуха и никак не может взять в толк, о чем ей толкуют. Стоящие вокруг охранники сканируют происходящее взглядами, запуская руки под полы двубортных пиджаков...

Затем деятель куда-то исчезает, а Вероника... такое впечатление, что она тоже исчезает на время... после чего обнаруживает себя сидящей за грандиозным столом человек на пятьсот. Константин, зачем-то напьяливший на себя кудлатую папаху, объясняет ей, что они присутствуют на «пацхе», что в переводе с грузинского означает «плетенная из лозы беседка для приятного времяпрепровождения».

Какая беседка? – недоумевает Вероника. – Где?

Константин говорит что-то про пир на весь мир, но его просят помолчать, потому что над столом вырастает грузная фигура министра культуры, взявшего на себя роль тамады. Все дружно выпили за провозглашенный батона министром тост и затянули громогласную песню, причем Вероника каким-то образом умудрялась подпевать на чистейшем грузинском языке, во всяком случае, ей так казалось. Дорогим гостям без конца подкладывали шашлыки, хашламу и зелень, подливали вина, и она чувствовала себя необыкновенно остроумной, очаровательной и бодрой... до тех пор, пока не очнулась в темном салоне автобуса, катящего куда-то сквозь предрассветные сумерки.

Безумно хотелось пить. Вероника привстала, ища взглядом Константина или кого-нибудь из музыкантов. Все спали вповалку, кто – раскинувшись, а кто – скрючившись на сиденьях. Выбравшись в проход, Вероника, хватаясь за спинки кресел, двинулась вперед, где в мертвенном свете приборной доски смутно белел пиджак мужа. Водитель оглянулся и осклабился, отчего происходящее смутно напомнило сцену из фильма «Кошмар на улице Вязов».

Постукивая зубами, Вероника приблизилась к мужу. На его коленях раскачивалась всклокоченная голова какой-то прикорнувшей шлендры, работающей в группе на подтанцовках. Хорошо устроилась, тварь, подумала Вероника, трогая Константина за плечо. Он не просто вострепнулся, а подпрыгнул на сиденье и вытаращил глаза. Они у Константина были хмельные, но совершенно несонные. Как и у приподнявшейся шлендры, оторопело уставившейся на Веронику.

«Вытри губы, блядь», – сказала ей Вероника, сразу смекнувшая, что к чему.

Шлендра машинально подчинилась.

«Тебе померещилось, – нахально заявил Константин. – Спросонья».

«Штаны застегни, – сказала Вероника, прежде чем отправиться на свое место. – Хотя теперь это совсем необязательно».

Ее по-прежнему мучила жажда, и первое, что она сделала по прибытии в гостиницу, так это влила в себя целый литр боржоми. Вместе со стаканом ароматной тархунной водки. Константин принялся было выяснять отношения, но потом тоже выпил водки, промямлил, что он вправе вести себя так, как ему вздумается, и завалился спать. Прямо в шикарном белом пиджаке и мятых брюках.

«Урод», – сказала ему Вероника и вышла из номера.

И было утро, и какой-то дымный подвал, и какая-то красная бурда в бочках, и маслянистые взгляды немолодых мужчин, и горящие взгляды трех юношей с одинаковым персиковым румянцем на щеках.

«Вероника хочет умереть, – сказала им Вероника. – Кто поможет Веронике?» Юноши по-беличьи зацокали языками и моментально сгруппировались вокруг нее. Они не признали в ней знаменитую певицу Зинчук, это ее огорчило, но, выпив очередную кружку бурды, она воспряла духом и попросила новых знакомых показать ей Тбилиси.

Они с готовностью согласились, такие славные, такие симпатичные юноши. Вывалившись шумной компанией из кабачка, вчетвером накупили фруктов на рынке, потом куда-то поднимались на фуникулере, потом долго шагали по узким улочкам, где на каждом шагу попадались крошечные лавчонки, неотличимые друг от друга. Кажется, пора возвращаться обратно, сказала себе Вероника, продолжая идти вперед. Под ее ногами громыхали рифленые железные листы узенького моста через реку.

«Это Кура?» – спросила она, опасливо глядя на грязное бурление под собой.

«Кура, Кура», – заверили ее юноши и почему-то засмеялись.

Их смех Веронике определенно не понравился. Очень уж он напоминал залиvistый собачий лай. Да и движения юношей сделались по-кобелиному суетливыми, вихлястыми. Стоило Веронике остановиться, как они подхватили ее на руки и потащили вперед, азартно переговариваясь по-своему. Старуха в черном, стоявшая на пригорке, равнодушно отвернулась и пошла прочь. Других людей вокруг не было. Домов за мостом тоже не было, только пустынная лента шоссе, огибающая скалистый уступ. Подножье уступа утопало в густой зелени. Туда-то юноши и волокли брыкающуюся жертву. Уже молча.

Если бы не их тяжелое сопение да невнятные возгласы Вероники, было бы совсем тихо. Как в страшном сне. В самом страшном сне, когда ты не имеешь возможности воспротивиться тому, что с тобой происходит.

Двое юношей держали Веронику за руки, один сжимал ее обтянутые джинсами ляжки. Он возглавлял процессию, отчего получалось, что Веронику несут вперед ногами. Как на похоронах, пронеслось в ее голове. А еще она подумала, что напоминает козявку, попавшую в лапы беспощадных муравьев.

– Отпустите меня!

Отчаянно вскрикнув, она начала вырываться, делая это с таким остервенением, что вскоре сумела выскользнуть из расстегнутой куртки и упасть спиной на асфальт. Из глаз брызнули искры. Юноши, в распоряжении которых остались лишь пустые рукава куртки, по инерции налетели на идущего впереди товарища. Образовалась куча-мала, в ходе которой Веронику как следует попотчевали руганью и тумаклами. Но она услышала шум приближающейся машины и, до предела напрягая голосовые связки, завизжала на всю округу:

– Помогите-ееее!!!

Два выстрела, прозвучавшие из затормозившего «Лендровера», спугнули нападающих, но почти не произвели впечатления на Веронику. Она устала. У нее не осталось ни сил, ни эмоций. Чувствуя себя механической куклой, у которой закончился завод, она позволила усадить себя в машину и увезти в неизвестном направлении. Ей даже не пришлось в голову поинтересоваться, как зовут ее спасителя. Он представился ей сам. Но не раньше, чем Вероника сообразила, что из гостеприимного дома Гванидзе ей никуда не деться.

Да и куда ей было деваться?

Голос Гванидзе был полон холодного презрения. Скрестив руки на груди, он разглядывал Падалицу, как разглядывал каких-нибудь десять лет назад русских пленников, приговоренных к смертной казни. Тогда он был зорек и быстроног, а под его началом находилось от полутора до двух сотен воинов, готовых отдать жизни за независимость Ичкерии.

Отдать жизни русских.

Тысячи жизней, десятки тысяч, сотни.

С годами чеченец Нодар Ахметович Шалаев, ныне выдающий себя за гражданина Грузии Гванидзе, стал не таким непримиримым и кровожадным. Ему вовсе не хотелось мотаться в зимнюю стужу по горам, питаясь растопленными в кипятке сникерсами, преодолевая заснеженные перевалы и ютясь в походных палатках. Да и вряд ли он был способен на это. Косолапый, погрузневший, остепенившийся, он занялся чем-то вроде организации связей с общественностью, а подвал его дома превратился в перевалочную базу для припасов, оружия и боевиков, переправляемых в Чечню.

Обзаведясь в Тбилиси нужными связями, легализовавшись и отойдя от непосредственной террористической деятельности, Гванидзе даже думать забыл о том, что русские могут предъявить ему претензии за былые подвиги, многие из которых были запечатлены на видеокассетах. Неожиданный визит московского адвоката напомнил ему о бурном прошлом не хуже, чем стеклянный глаз или шрам, пересекающий переносицу.

– Я вижу, что ты не знаешь, как быть дальше, *ьюрыст*, – заключил он, так и не дождавшись ответа на свой вопрос.

– Знаю, – возразил Падалица, глаза которого бегали из стороны в сторону все быстрее и быстрее. – Мы с Вероникой уезжаем.

– На чем? – вкрадчиво поинтересовался Гванидзе. – Может быть, ты полагаешь, что я предоставлю тебе собственную машину? Или быстроногую скакуна, на котором ты унесешься вдаль, обнимая похищенную красавицу?

Последнее предположение заставило Гванидзе насмешливо фыркнуть, но Падалица, разумеется, не улыбнулся. Ему было не до смеха. Хозяин дома по-прежнему преграждал выход из комнаты, а гостю хотелось выбраться отсюда как можно быстрее. Даже без Вероники Зинчук, дальнейшая судьба которой внезапно перестала волновать Генриха Павловича Падалицу. Своя собственная судьба – вот что представлялось ему самым важным на данный момент.

– Если вы забыли, то я напомню, – произнес он предательски дрогнувшим голосом. – Снаружи меня дожидается такси. Разрешите пройти.

Падалица сделал порывистое движение в сторону двери, но вынужден был остановиться, поскольку Гванидзе не сдвинулся с места. Сверля гостя мрачным взглядом, он осклабился:

– Не разрешаю. Во дворе тебе делать нечего, *адывакат*. Такси там нет.

– Как нет?

Потрясенный Падалица оглянулся на безмолвствующую Веронику, словно надеясь на поддержку с ее стороны. Вид у нее был нетрезвый и несчастный. Встретившись взглядом с Падалицей, она поспешила потупить глаза. Зато Гванидзе улыбнулся еще шире.

– Таксист уехал, – пояснил он.

– Почему уехал? – воскликнул Падалица. – Я его не отпускал! Я с ним не расплатился!

– С ним расплатился я. Дал Аре пятьдесят баксов и сказал, что мой дорогой гость остается обедать. Ты ведь остаешься, Генрих *Падьлович*?

– Нет! – это походило на вопль отчаяния.

– Остаешься, – уверенно возразил Гванидзе, вытряхивая из рукава узкую никелированную полоску стали.

Скальпель?

Скальпель...

Не веря своим глазам, Падалица снова обернулся. Вероника с расширившимися от ужаса глазами и руками, поднесенными ко рту, пятилась в глубь комнаты. С комода, об который она ударилась бедром, упала статуэтка. Резкий звук вывел Падалицу из оцепенения. Уставившись на приближающегося Гванидзе, он отшвырнул портфель и выхватил из кармана мобильник:

– Еще шаг, и я звоню в милицию.

– В Грузии нет милиции... – Взмахнув скальпелем, Гванидзе уточнил: – Тут полиция, на западный манер.

– А! – закричал Падалица, роняя телефон. – А! А!

Пальцы, по которым прошло острое лезвие, разжались сами собой. Один из них повис на лоскуте кожи. Из глубокого пореза хлестала кровь.

– Что же ты не звонишь? – осведомился Гванидзе, делая новый выпад. – Ты звони, раз собрался.

– А!

Схватившийся за пронзенную шею, Падалица никак не хотел верить, что это происходит с ним наяву. Отняв липкую ладонь от раны, он попытался заслониться, но – вж-жик: скальпель, превратившийся в сверкающую дугу, рассек руку, как шляпку перезрелого гриба.

Гванидзе, ноздри которого раздулись от запаха крови, чиркнул лезвием по второй руке завизжавшего Падалицы. Наступил на упавшие очки. Пнул телефонную трубку. Перехватил метнувшуюся к двери Веронику и толкнул ее обратно с такой небрежной легкостью, будто имел дело не с женщиной, а с ворохом тряпья.

– Представление только начинается, – провозгласил он. – Генрих *Падылович* не соврал, когда сказал, что я содрал кожу с лица одной журналистки. Но это не вся правда. – Забравшись на стол, за которым укрылся истекающий кровью Падалица, Гванидзе замер, готовясь к прыжку. – Правда заключается в том, что я поступал так почти со всеми пленниками. Сейчас вы оба убедитесь в этом.

Взвыв от ужаса, Падалица ринулся к выходу, продвигаясь вдоль стены, чтобы обогнуть стол. Спрыгнувший Гванидзе обрушился на него всей тяжестью своего тела, припечатав к облицовке камина. Дважды вонзив скальпель чуть выше пояса противника, он развернул его к себе лицом и нанес серию колющих ударов в живот.

– Не надо, – попросил Падалица, сползая по стенке. – Это противозаконно. Зачем же так? Вы не имеете права...

Не говоря ни слова, Гванидзе опустился на одно колено рядом, продолжая орудовать скальпелем.

Некоторое время зажмурившаяся Вероника слышала лишь его сопение и слабые стоны обессиленной жертвы, но под конец Падалица издал такой душераздирающий визг, что она невольно открыла глаза.

И совершенно напрасно.

Лицо повернувшегося к ней Гванидзе походило на перекошенную гипсовую маску, забрызганную кровью. Что касается несчастного адвоката, то лица у него уже не было, совсем.

7

Веронику, сидящую на ковре в углу комнаты, затрясло, как будто сквозь нее пропустили ток высокого напряжения. Это просто сон, страшный сон, твердила она себе, пока Гванидзе тщательно вытирал скальпель и окровавленные руки об голубой пиджак убитого, а потом рылся в его карманах, откладывая в сторону найденные вещи. Завершив обыск, он выгреб из

портфеля Падалицы бумаги, бегло просмотрел их и сложил на столе. Вспомнил о существовании Вероники. Поманил ее пальцем.

– Подойди ко мне.

– Нет! – Она отчаянно замотала головой. Крашенные кудряшки на ее голове встопорщились, образовав подобие волнующейся гривы.

– Подойди ко мне, я сказал, – повторил Гванидзе, сверкнув единственным глазом.

С трудом поднявшись на дрожащие ноги, Вероника получила возможность хорошенько рассмотреть лужу крови у камина и голову мертвеца, превратившуюся в кошмарный анатомический муляж с оскаленными зубами и студенистыми шариками выпученных глаз. Ее несколько раз вывернуло на ковер, но Гванидзе не оставил ее в покое. Дождавшись, пока Вероника выплюнет под ноги последнюю порцию клейкой желчи, он схватил ее за запястье, подвел к трупу, заставил присесть, а сам попятился на несколько шагов назад.

– Улыбайся, – приказал он, ловя Веронику в объектив цифрового фотоаппарата, вмонтированного в мобильник.

– Что? – тупо спросила она, уставившись на скальпель, который успел всучить ей Гванидзе.

– Улыбайся! – рявкнул он. – Хочу сделать несколько снимков на память.

Обнаружив, что подол ее рубахи пропитался кровью, Вероника вскрикнула и выронила скальпель, еще хранящий тепло рук Гванидзе. Выругавшись, он шагнул к ней. Сквозь слезы, застилающие глаза, его фигура казалась неправдоподобно огромной. Поскуливая, Вероника поползла к двери, но Гванидзе легко настиг ее, пнул под ребра и вынудил вернуться на место. Рванув на ней ночную рубаху, он грубо вытер лоскутом ее перепачканное лицо, потом возвратился на исходную позицию и предупредил:

– Если ты сейчас же не возьмешь скальпель и не поднимешь голову, я ее тебе отрежу к такой матери. Смотри сюда! – Гванидзе призывно щелкнул пальцами поднятой руки. – Веселее! Тебе ведь не привыкать позировать, а? Вот газетчики обрадуются, если заполучат эксклюзивные снимки знаменитой певицы, допившейся до белой горячки. Так что улыбайся! Улыбайся, пока я не лишил тебя такой возможности!

Вспомнив, как выглядит лишившийся лица адвокат, Вероника постаралась растянуть губы как можно шире. Поскольку они прыгали и кривились, полноценной улыбки не получилось, но Гванидзе остался доволен результатом и, наконец, позволил Веронике встать.

– А теперь отправляйся за водой и принимайся за уборку, – велел он. – Трупом я займусь сам. Только захвати на кухне клеенку. Ту, которая расстелена на столе, с розочками.

– С розочками, – механически повторила Вероника. – Зачем?

– Нужно хорошенько упаковать нашего адвоката, – пояснил Гванидзе, ощупывая взглядом Вероникину грудь, обнажившуюся под порванной рубахой.

– Я не про адвоката...

– Про розочки? Откуда я знаю, зачем? Художник намалевал.

Гванидзе пожал плечами, не понимая или не желая понимать, о чем его спрашивают. Швырнув скальпель на пол, Вероника закрыла лицо руками и тоскливо пробормотала, качая головой:

– Зачем ты поступаешь со мной так? Зачем сделал эти кошмарные фотографии? За что хочешь меня погубить?

– За что? – Вцепившись Веронике в плечи, Гванидзе затряс ее, как грушу. – Кому было велено не высовываться из дома, а? Кто меня подставил? Может, я сам пригласил в гости этого московского проныру? Почему ты не предупредила, что муж тебя будет искать?.. Почему?.. Почему, я спрашиваю?..

Ответом был перестук Вероникиных зубов, стиснуть которые не позволяла безвольно отвисшая челюсть. Когда Гванидзе надоело слушать это клацанье, он сердито оттолкнул Веронику и предупредил:

– В следующий раз не надейся отделаться так легко. У меня есть скальпель, и у меня есть твои снимки. Не забывай об этом.

– Но не могу же я всю жизнь просидеть взаперти, – всхлипнула Вероника.

Брови Гванидзе поползли вверх:

– Почему?

– Потому что я тебе не средневековая наложница!

– Неужели?

Стремительно шагнув вперед, Гванидзе с размаху отвесил Веронике пару таких оплеух, что она едва удержалась на ногах.

– Не наложница, говоришь?

Разорванная сверху донизу рубашка полетела на пол. Кожа отпрянувшей Вероники пошла пупырышками, она инстинктивно прикрылась ладонями, на ее щеках расцвели красные пятна.

– Зверь, – хрипло сказала она, почти не слыша своего голоса. Слишком громко стучало в висках, слишком сильно колотилось сердце. – Зверь, зверь, зверь!

– Тогда ты сука, – заверил ее Гванидзе, приспуская штаны. – Иди сюда, сука. Я же вижу, что тебе не терпится.

Вероника, как сомнамбула, шагнула вперед. Еще никогда Гванидзе не обращался с ней столь грубо. И еще никогда Вероника не ощущала с такой остротой, что она – всего лишь слабая женщина, с которой любой мужчина волен обойтись по своему усмотрению...

Игрушка в чужих руках...

В чужих, властных руках...

Сильных и волосатых...

Лубянка, о, эти ночи, полные огня!

8

Верхний свет был выключен, горела лишь настольная лампа, из-за чего весь кабинет, за исключением стола, был погружен в густой полумрак. Лицо полковника Роднина тоже скрывалось в тени, зато его руки, белоснежные манжеты, рубашка, полосатый галстук и синий пиджак, попадавшие в круг света, казались необычайно яркими, контрастными.

Переведя взгляд на собственные руки, капитан Бондарь подумал, что в сравнении с полковничьими они выглядят слишком загорелыми. Астрахань, Севастополь, Одесса... Все лето и начало осени Бондарь провел на морском побережье, хотя назвать такое времяпрепровождение приятным отдыхом язык не поворачивался. С другой стороны, если бы капитану действительно довелось нежиться на солнышке в течение четырех месяцев, то он бы попросту помер от тоски. Уже на второй или третьей неделе. Состояние полного покоя было для него смерти подобно. Срочно вызванный на Лубянку в половине одиннадцатого ночи, он внутренне трепетал от возбуждения, как породистый пес, почуявший славную охоту.

– Что-то экстренное, Василий Степанович? – спросил Бондарь, не в силах скрывать нетерпение.

Начальник оперативного отдела Управления контрразведывательных операций ФСБ России посмотрел на подчиненного так, словно тот позволил себе какую-то вопиющую вольность. Например, закурил свои любимые «Монте-Карло», не испросив разрешения у хозяина кабинета.

Бондарь выдержал тяжелый полковничий взгляд не моргнув глазом. Из всех оперативников только он был способен на это. Роднин умел ставить подчиненных на место. Даже любимчиков, которым он в глубине души симпатизировал. Бондарь в их число не входил. Полковник относился к капитану не как к любимчику, а как к родному сыну, хотя делал все возможное, чтобы никто из окружающих этого не заметил.

– А у нас бывает что-нибудь не экстренное? – ответил он вопросом на вопрос, после чего достал из папки лист бумаги.

Лист лег на стол. Пятерня Роднина прихлопнула его, закрыв текст. Все, что видел Бондарь со своего места, это шапку, название документа и размашистую подпись внизу. Приказ руководителя УКРО генерала Волопасова Н.А.

– Это касается меня? – насторожился Бондарь.

– Самым непосредственным образом, – заверил его Роднин.

– Что заставило Николая Артемьевича вспомнить о существовании скромного оперуполномоченного?

– Николаю Артемьевичу, да будет тебе известно, нет необходимости вспоминать что-либо. Память у него феноменальная. В молодости он ради спортивного интереса заучивал наизусть целые справочники.

– В таком случае он хранит массу полезных сведений, – уважительно произнес Бондарь. – Скажите, товарищ полковник, а книга о вкусной и здоровой пище Николаю Артемьевичу в молодости не попадалась? Мне, как холостяку, было бы интересно узнать пару рецептов.

– Вот! – воскликнул Роднин, растопыренная пятерня которого превратилась в кулак, постукивающий по приказу на столе. – Во всем виноват твой длинный язык, капитан. Корень всех твоих бед.

Бондарь, внезапно вспомнивший, что никакой он не холостяк, а вдовец, поскольку еще в январе у него имелись жена и четырехлетний сынишка, помрачнел и отрицательно качнул головой:

– Не думаю, товарищ полковник.

– Вот именно что не думаешь, – повысил голос Роднин, не замечая состояния подчиненного. – Ни хрена не думаешь и думать не хочешь, несмотря на неоднократные предупреждения. А потом страдаешь.

Все-таки напрасно он так низко наклонил колпак настольной лампы. Лицо Бондаря, как и его собственное, утонуло в тени. Лишь глаза обоих поблескивали, но было трудно угадать, что кроется за этим блеском.

– Вы вызвали меня, чтобы поговорить о моих проблемах? – осведомился Бондарь с той непередаваемой интонацией, которую несколько веков назад можно было услышать при обмене любезностями, предшествующими вызову на дуэль.

«И как только ему удастся сочетать безупречную вежливость с отъявленной дерзостью?» – изумился Роднин, тогда как вслух было произнесено одно-единственное короткое слово:

– Нет!

– Тогда, может быть, ознакомите меня с приказом? – Бондарь показал взглядом на лист бумаги.

– С чего ты взял, что это касается тебя? – проворчал Роднин.

– Увидел свою фамилию в тексте.

– Вечно суешь нос, куда тебя не просят. И языком мелешь, чего молот не положено. – Сам того не замечая, Роднин заговорил скрипучим голосом своего непосредственного начальника, режущим слух всем, кроме обладателя. – Генералу Волопасову поступил сигнал о недисциплинированности и разболтанности, проявленных тобой во время пребывания в Одессе. И как тебя угораздило поцапаться с тамошним *внешняком*? – Имелся в виду резидент внешней разведки. – Он отметил в рапорте твои профессиональные качества, однако в общем и целом характеристику тебе дал нелестную. – Роднин ослабил узел галстука, чересчур туго перехватившего шею. – Крайне нелестную, капитан.

– Если бы меня попросили охарактеризовать господина Головлева, – начал Бондарь, – то я бы тоже...

– Но тебя никто об этом не просил и никогда не попросит! – перебил его Роднин, не переставая возиться с галстуком.

– Честно говоря, я только рад этому.

– А тому, что почти присвоенное тебе майорское звание тю-тю, ты тоже рад?

– Тю-тю? – переспросил криво усмехнувшийся Бондарь.

– Вот именно! – гаркнул Роднин. Сорванный им галстук, извиваясь шелковой змеей, полетел на пол. – Вот именно что тю-тю. И ничего смешного в этом нет. – Он яростно ткнул пальцем в приказ по управлению. – Не успел новые погоны нацепить, как уже разжалован. За каким хером тебе понадобилось с цээршниками счета сводить, а? Кто тебя уполномочивал?

– Чувство долга, – тихо произнес Бондарь.

– Что-о?

– Можно подумать, что вы впервые слышите о таком понятии, товарищ полковник.

Задохнувшийся Роднин покрутил шеей. Теперь ему мешал ворот рубахи. Сообразив, что все дело в верхней пуговице, он попытался расстегнуть ее, но закончилось это тем, что пуговица осталась у него в пальцах, а потом последовала за галстуком.

– Вот что, капитан, – сказал Роднин, постепенно успокаиваясь и тщательнейшим образом подбирая слова. – О том, что ты первостатейный наглец, я знаю, поэтому лишний раз мне об этом напоминать не надо. И предупреждаю на будущее. – Роднин налег грудью на стол, высвечивая нижнюю половину своего лица. – С этого момента никакой самодеятельности. Никаких,

понимаешь, актов возмездия. У нас тут не Голливуд, не съемки сериала про агента ноль-ноль семь. Лицензий на убийство мы своим сотрудникам не выдаем.

– А мне не нужна лицензия, – отрезал Бондарь. – Индальгенция тоже не нужна. Я просто выполняю свой долг, выполняю так, как я его понимаю.

– Плохо понимаешь, капитан. – Тяжелый подбородок Роднина выдвинулся вперед еще на пару сантиметров.

– Да? А вот мне почему-то кажется, что мы с вами понимаем его одинаково, товарищ полковник. – Нахмурившийся Бондарь уставился в стол. – Враги родины подлежат уничтожению. Поголовно. Вне зависимости от местонахождения, социального статуса и всяческих мораториев на смертную казнь.

После этого заявления все заготовленные Родниным правильные и нужные слова пошли псу под хвост. Кривить душой не хотелось, а возразить по существу было нечего. Поэтому, придвинув к капитану приказ, он мрачно распорядился:

– Ознакомься. Потом потолкуем.

9

– Ознакомлен, – отрапортовал Бондарь, написав это же слово на листке и присовокупив к нему свой незамысловатый автограф. – Разрешите идти?

Роднин, откинувшийся на спинку кресла, покачал головой:

– Не разрешаю. Думаешь, я тебя из постели вытащил для того, чтобы закорючкой твоей полюбоваться? – Забрав приказ, он возвратил его на место, а на стол выложил довольно пухлый конверт из плотной пергаментной бумаги. – Здесь собраны все имеющиеся у нас материалы по Нодару Ахметовичу Шалаеву. Тебе знакомо это имя?

– Кажется, был когда-то такой чеченский полевой командир, – нахмурился Бондарь. – Но не уверен. Дела давно минувших дней. Начало девяностых?

– Середина.

– И что же, этот Нодар Шалаев решил снова напомнить о себе?

– Да нет, – ответил Роднин, бесцельно теребя незапечатанный конверт. – Он как раз предпочитает держаться в тени. Живет под именем Давида Гванидзе в горах неподалеку от Тбилиси, боевиков вербует помаленьку, снабжением бандформирований занимается. Паспорт гражданина Грузии, между прочим, у него не липовый, а самый настоящий, Министерством внутренних дел выданный. Не подкопаешься.

– А внешность? – поинтересовался Бондарь.

– Какая, к черту, внешность, когда он в молодости бородищу отпустил и ни разу ее с тех пор не сбрасывал. – Роднин снова пошуршал коричневым конвертом. – Одни паскудные зенки на бандитской роже просматриваются, все остальное – дремучие волосья. Вылитый Бармалей.

– Хотите мне поручить его побрить, товарищ полковник?

– Отставить шуточки, капитан! Мы тут не в бирюльки играем.

– А если не в бирюльки, то должен быть способ идентифицировать любого Бармалея – хоть чеченского, хоть грузинского.

Высказав это предположение, Бондарь поискал взглядом глаза начальника, но наткнулся лишь на приопущенные веки.

– В пакете хранятся образцы отпечатков пальцев как Шалаева, так и Гванидзе, – проворчал Роднин. – К ним приложен акт международной экспертной комиссии, подтверждающий идентичность отпечатков.

– Другими словами, доказано, что Шалаев и Гванидзе – одно и то же лицо?

– Смотря кем и кому доказано. То, что является неопровержимым фактом для нас, вряд ли пожелает признать грузинская сторона.

– Им удобнее считать, что Гванидзе никакой не бандит? – догадался Бондарь.

– Ну да, – поморщился Роднин. – Сам знаешь, как они с чеченцами нянчатся. А попробуй обвинить Тбилиси в пособничестве боевикам, так ихний президент сразу с пеной у рта начинает истерики закатывать. Прямо на зеленой лужайке перед Белым домом. Мол, злобные русские шовинисты нас, несчастных, обижают, поклепы на нас наводят, применением силы грозят. Старая песня. В печенках сидит.

Бондарь понимающе кивнул. Не далее как месяц назад грузинская армия и полиция начали очередную полномасштабную операцию в Панкисском ущелье, целью которой являлось разоружение или же уничтожение базировавшихся там банд чеченских сепаратистов. Русские спецслужбы не только выследили два крупных отряда боевиков, но и предложили всяческое содействие в их блокировании близ селения Халацани. Грузины высокомерно заявили, что обойдутся без посторонней помощи. И обошлись. Банды словно растворились в горах, ни слуху, ни тяжелого кочевого духу. По данным контрразведки ФСБ их попросту временно перебросили в Кодорское ущелье, а потом известили русских коллег, что ошибочка вышла, никаких, извините, бандформирований на территории Грузии нетути.

Между тем на стол руководителя УКРО чуть ли не ежедневно ложились записи радиоперехватов телефонных переговоров главарей боевиков с высокопоставленными лицами МВД и Минобороны Грузии, в ходе которых обсуждались условия пребывания боевиков в Панкиси. Кроме того, в Тбилиси открыто действовали по меньшей мере пять представительств чеченских сепаратистов. Их генеральное консульство размещалось в здании корпорации хлебопродуктов на улице Гулуа. Корпорацию возглавлял некто Анзор Бурджанадзе, папаша спикера грузинского парламента.

– Позорище, – прокомментировал Бондарь, испытывая почти непреодолимое желание выругаться, сплюнуть и закурить – все сразу и именно в такой последовательности. Он досадливо поморщился. – И это после Беслана... Они же просто издеваются над нами, прячась за спиной дяди Сэма! Долго еще это будет продолжаться?

– В своем последнем заявлении наш президент высказался примерно в том же духе, – проворчал Роднин. – Цитирую: «Если официальный Тбилиси и впредь не будет вести борьбу с терроризмом, то Россия оставляет за собой право преследовать террористов в любой точке земного шара, в том числе на территории Грузии». Вот так, и никаких гвоздей.

– Какое оно по счету, это грозное заявление? – горько спросил Бондарь.

– Понятия не имею. У нас тут не Счетная палата.

– А раз не Счетная палата, то давно пора...

– Враги родины подлежат уничтожению? – перебил подчиненного полковник.

– Подлежат, – убежденно произнес Бондарь. – Еще как. Без суда и следствия.

– Без суда и следствия? Вот за такие разговорчики нас и склоняют на каждом перекрестке, капитан. То в Европарламенте нагнут, понимаешь, то на сессии ООН приопустят.

– Нагибают и опускают тех, кто ограничивается одной пустопорожней болтовней, товарищ полковник. Нам, силовикам, это известно лучше, чем кому-либо другому.

– Политики полагают иначе, – развел руками Роднин, сделавшись похожим на большую грузную птицу, давно разучившуюся летать. – Приходится подстраиваться.

– Подстраиваются при половом акте, извините за прямоту. – Лицо Бондаря сохраняло выражение непреклонной решимости. – А когда этот акт проводится без обоюдного согласия сторон – это, опять же извините, уже даже не сношение. Изнасилование. Причем все чаще и чаще групповое.

– Хватит дискутировать, – буркнул Роднин, сверившись с часами. – Время позднее, давай о деле, капитан.

– Как скажете.

– Как прикажу. Разницу улавливаешь?

- Улавливаю, – неохотно подтвердил Бондарь.
- Тогда держи. – Перебросив ему конверт, Роднин встал, чтобы по привычке подойти к окну с заложенными за спину руками. – Запечатаешь, когда изучишь содержимое.
- А когда изучу и запечатаю, то что?
- Доставишь в Грузию. Лично.
- Почему это нельзя сделать по официальным каналам? – с сомнением спросил Бондарь. – Существуют посольства, консульства, всякие там дипломатические курьеры...
- И общества русско-грузинской дружбы тоже существуют, – подхватил Роднин. Оттого, что он стоял к кабинету спиной, его голос звучал глухо. – Но дружба дружбой, а служба службой. Наша задача – не только передать грузинским властям неопровержимые доказательства террористической деятельности Гванидзе. Мы хотим вынудить Грузию не просто выдать преступника, а публично осудить его и применить к нему самые жесткие меры. – Роднин тяжело повернулся вокруг оси и двинулся в обход кабинета. В полумраке казалось, что это движется большой темный шкаф, под которым скрипят и гнутся половицы. – Таким образом, – рассуждал он, – будут достигнуты две цели. Первое: террорист понесет заслуженное наказание. Второе: грузинские власти пойдут на конфронтацию с чеченскими сепаратистами, после чего отношения между ними значительно ухудшатся. Мы вобьем между ними клин.
- Давно пора, – оживился Бондарь. – Только лучше бы не клин, а кол.
- Что-о? Какой кол?
- Осиновый. И не *между*, а куда следует.
- Помолчи, капитан, – скорее попросил, чем приказал Роднин. – Я не закончил.
- Извините, товарищ полковник.
- Да я только этим и занимаюсь, что тебя извиняю. Поимей совесть. Есть у тебя совесть?
- Куда ж без нее, – вздохнул Бондарь.
- И что она тебе подсказывает? – любопытствовал Роднин.
- В данный момент помалкивает, товарищ полковник.
- Вот и ты помалкивай.
- И вопросы по существу задавать нельзя? – притворно огорчился Бондарь.
- Вопросы – можно, – рассеянно кивнул Роднин на ходу. – Если, конечно, по существу.
- Что за птица этот Шалаев, он же Гванидзе? Почему именно за него мы уцепились? Террористов в Грузии – хоть пруд пруди. Чем же он такой особенный?
- А ты с фотодокументами ознакомься, капитан. Многие вопросы отпадут сами собой, гарантирую.

Последовав совету полковника, Бондарь аккуратно возвратил снимки в конверт и застыл, машинально трогая горизонтальный шрам на подбородке. С этого момента он все больше молчал и слушал. Недобро молчал. Внимательно слушал.

10

Нодар Шалаев был прирожденным садистом. Живодером. Душегубом, убивавшим своих жертв не просто с особой жестокостью, но и с наслаждением. На его личном счету было около тридцати показательных казней. Шалаев, или Чака-медведь, как звали его в горах, не упускал также случая подвергнуть пленников пыткам. Некоторые из них сходили с ума, дожидаясь своей очереди, так страшно кричали несчастные, попавшие в лапы чудовища. Шалаев, получивший в молодости высшее медицинское образование, хорошо разбирался в анатомии человека и обожал орудовать скальпелем.

– Однажды, – продолжал Роднин, опустившись в кресло, – этот изверг содрал кожу с лица итальянской журналистки, снимая происходящее на видеокамеру. Кассета была отправлена редактору, отказавшемуся платить выкуп. Мир содрогнулся. Это был один из тех редких

случаев, когда газеты называли вещи своими именами, вместо того чтобы писать о мужественной борьбе маленького чеченского народа против русских оккупантов. – Взглянув на подчиненного, Роднин склонил голову к плечу. – Теперь ты понимаешь, почему следует взяться за Шалаева, а не за кого-нибудь другого?

– Понимаю, – подтвердил Бондарь, между бровями которого прорезалась глубокая поперечная морщина. – Мировая общественность настроена против него, значит, журналюги не станут вопить о правах человека и презумпции невиновности. – Слово «презумпция» прозвучало в устах Бондаря как ругательство. – Процесс над садистом создаст прецедент. Дальше в лес – больше дров. Глядишь, и до Закаева в Лондоне доберемся.

– Правильно мыслишь, – одобрительно произнес Роднин. – Осудить Шалаева – значит осудить всех сепаратистов. В случае успеха нам удастся склонить общественное мнение на свою сторону. Более того, после этого Грузия не осмелится столь явно давать приют бандитам. Но для начала нужно предоставить неопровержимые доказательства того, что изверг Шалаев и законопослушный гражданин Грузии Давид Гванидзе – одно лицо.

– Почему наверху спохватились только теперь? – задал Бондарь очередной вопрос, вертя в руках сигаретную пачку, которую, разумеется, открывать не собирался.

– Первая попытка не удалась, – признался Роднин. – Несколько месяцев назад Генеральная прокуратура обращалась к грузинским властям с настоятельной просьбой выдать Гванидзе, однако те требовали все новые и новые документы, подтверждающие его вину. Закончилось тем, что половина отосланных материалов затерялась при переводе, а остальное осело во всевозможных архивах.

– Как всегда.

– Вот именно. Поэтому на этот раз нужно действовать эффективнее.

– Россия готова пойти на обострение отношений с Грузией?

– Нет, – улыбнулся Роднин. – Мы добьемся своего хитростью. Никакого грубого вмешательства в дела суверенного государства. – Он постучал пальцем по столу. – Подчеркиваю это особо.

– Значит, я отправляюсь в Тбилиси в качестве обыкновенного курьера? – приуныл Бондарь.

– Не совсем. Материалы по делу Гванидзе должны быть переданы из рук в руки резиденту ЦРУ в Грузии.

– Я не ослышался?

– Если ты стал туговат на ухо, капитан, то могу направить тебя на обследование, – съехидничал Роднин.

– Но, товарищ полковник...

– Никаких «но». Как тебе известно, американский президент переизбран на второй срок. Борьба с международным терроризмом его главный конек. Кроме того, у Буша хорошие отношения с Путиным, и он любит повторять, что мы его главные союзники в войне с террористами. Вот и проверим, чего стоят слова американцев. – Приподняв колпак лампы, чтобы лучше видеть сидящего напротив Бондаря, полковник понизил голос: – Первые лица ФСБ и ЦРУ провели негласные переговоры и сошлись во мнении, что вырождакам вроде Гванидзе нельзя гулять на свободе. По крайней мере, такова точка зрения американцев на настоящий момент.

– А если завтра они рассудят иначе? – резонно поинтересовался Бондарь.

– Мы не позволим им пойти на попятный. – Роднин говорил очень тихо и очень быстро. – Вникай, капитан. Грузия пляшет под дудку Соединенных Штатов, так? Если Вашингтон решит, что наши обвинения в адрес Гванидзе обоснованны, Тбилиси уже не отвертится от выполнения своего долга.

– Но Вашингтон может спрятать дело в долгий ящик.

– Как только ЦРУ получит доказательства, мы организуем серию публикаций и телерепортажей по всему миру. Там будет говориться о совместных успехах России и Америки в борьбе с терроризмом. – Роднин то и дело срывался на шепот, словно не доверяя системе защиты от прослушивания разговоров, установленной на Лубянке. – В качестве примера журналисты станут ссылаться на дело Гванидзе. Будут обнародованы показания очевидцев о его зверствах, фотографии, видеоматериалы. Обыватели придут в ужас и преисполнятся справедливым гневом. Чтобы не ударить в грязь лицом, американцы постараются не тянуть с возмездием. Выдадут свои рекомендации грузинам, а тем тоже деваться будет некуда. Такая вот многоходовая комбинация, капитан, – подытожил Роднин уже своим обычным голосом. – Завтра же утром вылетай в Тбилиси, там тебя ждут. Встретишься с генеральным директором торговой компании «Эско» мистером Барри Кайтом. Он превосходно говорит по-русски, так что вы сумеете достичь полного взаимопонимания.

– Я тоже превосходно говорю по-английски, – обронил Бондарь, – но насчет полного взаимопонимания с америкосами сомневаюсь.

– И все же оно будет достигнуто, и никаких гвоздей, – с нажимом произнес Роднин. – Это такое же непреложное условие, как удвоение вэ-вэ-пэ к установленному президентом сроку.

– Партия сказала: «надо», комсомол ответил: «есть»... Так, что ли?

– Схватываешь на лету, капитан. – Поднявшийся с кресла Роднин навис над столом, давая понять, что аудиенция подходит к концу. – Координаты Кайта найдешь в конверте. Он предупрежден о твоём визите.

– Как насчет матобеспечения? – деловито осведомился Бондарь, совершив указательным пальцем характерное движение человека, нажимающего на спусковой крючок.

– В наше время всех волнует финансовая, а не материальная база, – заметил Роднин, пряча улыбку.

– Считайте меня белой вороной.

– Да хоть серо-буро-малиновой! Оружие тебе не понадобится, капитан. Что касается денег, то твою командировку финансирует ведомство Кайта, а к его визитке прилагается кредитная карточка на предъявителя. – Роднин кашлянул, оценив щекотливость момента. – Думаю, сумма более чем приличная.

– ЦРУ финансирует КГБ! – воскликнул Бондарь, вставая со стула. – С ума сойти! Мне еще никогда не доводилось гулять на денюжки, выделенные на оборону США.

– Ну-ну, не увлекайся. – Роднин строго взглянул на подчиненного. – Гостиницу подбери приличную, шут с тобой, но никаких праздношатаний по городу: у Гванидзе полно осведомителей среди местной полиции. Передал документы под роспись, ответил на вопросы цээршника, если таковые возникнут, и сразу обратно. Что-нибудь не ясно?

– Только одно, – сказал Бондарь, пряча конверт во внутренний карман пиджака. – Зачем такая спешка? Нельзя было отложить собеседование до завтра?

– Нельзя, – отрезал Роднин, расправляя квадратные плечи. – Завтра тебя не должно быть в управлении, капитан. Генерал Волопасов вознамерился лично сделать тебе вливание за командировку в Одессу, а я ведь тебя не первый день знаю. Не сдержишься, надержишь, про долг начнешь толковать...

– Долг – это плохо?

– Долг – это хорошо, но на первом месте должна стоять субординация.

– Впервые слышу об этом, – хмыкнул вставший со стула Бондарь.

– Я тоже, – неожиданно признался расплывшийся в улыбке Роднин. – Только что в голову пришло. Но это не значит, что начальство нужно любить меньше, чем родину. – Он посерьезнел. – Во всяком случае, не у нас на Лубянке. Ступай и хорошенько поразмысли об этом, капитан. Иначе тебе никогда не стать майором. Усвоил?

– Так точно, товарищ полковник.

Слегка пристукнув каблуками, Бондарь четко повернулся кругом и так же четко проследовал к двери. Смотревший ему вслед Роднин подумал, что никогда не видел у подчиненных, покидающих кабинет, столь идеально прямой спины и столь надменно вскинутой головы.

Если он будет продолжать в том же духе, пронеслось в мозгу Роднина, то майорских погон ему не видать как своих ушей. Сознать это было горько... но все-таки отрадно. Потому что даже дюжина знающих свое место майоров не могла заменить полковнику одного строптивного капитана Бондаря.

Расцветай под солнцем, Грузия... вот только чья?

11

Один за другим заревели двигатели «Ту-154», подготовившегося следовать рейсом SU 195 из Москвы в Тбилиси. Было девять часов двадцать шесть минут, когда крылатая машина начала выруливать на взлетную полосу аэродрома Шереметьево-2, сотрясаясь от избытка собственной мощи.

Постепенно разгоняя двигатели, «Туполев» катился по бетону. В иллюминаторы было видно, как двигаются проверяемые пилотом подкрылки. Пожухлая трава по обе стороны от самолета заволновалась от ветра. Все быстрее и быстрее он мчался по полосе, пока не подпрыгнул в воздух, зависнув над землей. Доли секунды – и аэродром остался далеко внизу.

Вот так всю жизнь, подумал Бондарь. Только что ты был здесь, и все казалось тебе скучным, незыблемым, обыденным. В следующее мгновение: хоп – и ты оторвался от привычных устоев, устремившись в неизвестность. Что ждет впереди? Мягкая посадка или крушение всех твоих планов? Самое неприятное, что это от тебя уже не зависит. Кто-то всегда решает за тебя твою судьбу. Незнакомый пилот, родственники, начальство, звезды, провидение. Даже если бразды правления находятся только в одних руках, божьих, то все равно никуда от этой зависимости не деться. Люди как шарики, мечущиеся по игровому полю. С их помощью набирают очки неведомые игроки. Бесконечная партия проходит с переменным успехом, а люди всегда в проигрыше. В независимости от того, что будет написано над последней ячейкой, в которой каждому суждено угмониться навеки под гнусавое завывание похоронного оркестра.

– Вам не кажется, что мотор гудит как-то подозрительно? – раздалось справа от Бондаря.

Неохотно оторвавшись от созерцания проплывающего внизу ландшафта, он повернулся и впервые присмотрелся к своему соседу, неопрятному толстяку с непропорционально маленькой головой и необъятным задом, квашней напозающим на оба чужих кресла. Лысый, щекастый, в массивных очках, не желающих держаться на потной переносице, он до сих пор не расстегнул ремень безопасности, опоясывающий его, как шпагат – сардельку. Да что там сарделька! Это был целый окорок, упакованный в дорогой костюм и по какому-то недоразумению наделенный человеческим голосом.

– Все нормально, – поспешил заверить соседа Бондарь, отметивший про себя покойнический оттенок обращенной к нему физиономии. Если толстяк изнемогал от страха высоты, то еще полбеды. А если эту тушу вывернет наизнанку?

– Вы уверены? – обеспокоенно спросил толстяк, прижимая к жирной груди элегантный портфельчик.

Бедняга, подумал Бондарь. Ведь он в панике. Он почти убежден, что самолет разобьется. Вряд ли для него послужит утешением, что его примечательное тело будет опознано сразу после извлечения из-под обломков. В первую очередь.

– «Ту-154» самый надежный самолет в мире, – произнес Бондарь, улыбнувшись. – Расслабьтесь.

– Легко сказать, – пропыхтел толстяк. Тем не менее его жирные тела оплыли чуточку сильнее, растекаясь по соседним сиденьям. – Не доверяю я самолетам. Людям тоже не доверяю. Я бизнесмен.

Перед глазами Бондаря возникла серебристая визитная карточка. «Вахтанг Автандилович Енукидзе, – значилось на ней. – Президент АО АМЗ». Имя и должность толстяка были

продублированы грузинской вязью. Ниже перечислялись номера телефонов, запоминать которые Бондарю абсолютно не хотелось.

– Как расшифровывается «АМЗ»? – спросил он, рассудив, что сунуть визитку соседа в карман и отвернуться было бы невежливо.

– Ассоциация машиностроительных заводов, – похвалился Енукидзе.

– Поднимаем промышленность Грузии? – подмигнул ему Бондарь.

– На кой мне промышленность Грузии? Подо мной российские заводы. Целых семь штук.

Это было произнесено с таким апломбом, как если бы Вахтанг Автандилович Енукидзе самолично отстроил упомянутые заводы и наладил на них производство. Однако Бондарь подозревал, что дело обстоит иначе. На душе у него сделалось гадко.

– Вам нужно сбрасывать вес, – неприязненно сказал он соседу.

– Какое вам дело до моего веса? – возмущенно колыхнулся тот.

– Заводы жалко, – искренне признался Бондарь. – Те самые, которые под вами. Целых семь штук.

– Что упало, то пропало, – по-детски захихикал Енукидзе. – Поздно локти кусать. Итоги приватизации пересмотру не подлежат, как объявил глубокоуважаемый господин Путин.

– Зато твоя паскудная биография подлежит пересмотру, еще как, – заверил его Бондарь. – Надеюсь, очень скоро ты убедишься в этом, Ваха. Когда под твоим сидением окажутся тюремные нары, а не машиностроительные заводы.

Енукидзе, намеревавшийся дать грубияну достойную отповедь, открыл рот да так и замер, словно подавившись чересчур большим куском, проглотить который было ему не под силу. Во взгляде, устремленном на него, не было ненависти. Серо-голубые глаза Бондаря изучали его с холодным спокойствием. И было невозможно определить, где находится отражающийся в них заводоладелец Енукидзе, – в комфортабельном кресле лайнера или все-таки на тюремной шконке.

Суетливо освободившись от ремня безопасности, он отправился искать себе место поуютнее, а Бондарь с облегчением сомкнул веки и предался ленивым размышлениям о всякой всячине, пока не почувствовал, что уши начало закладывать от перепада давления. Самолет снижался. Зажглось табло «Не курить. Пристегнуть ремни». Под крылом раскинулись горы, похожие сверху на скомканное зеленое одеяло, над которым неведомый великан пускал клубы белого дыма. Тбилиси, рассеченный надвое узкой лентой реки, казался беспорядочной грудой мусора, оставленной тем же великаном. Плавно развернувшись над городом, самолет зашел на посадку.

Когда шасси упруго коснулись бетонной полосы, Бондарь взглянул на часы. Было 13.35 по местному времени. Московское время тут не действовало. В силу вступили иные законы, иные правила.

12

Чужеродность обстановки ощущалась на каждом шагу, но особенно остро Бондарь почувствовал себя не слишком желанным гостем, когда ему дали заполнить «Учетно-регистрационный сертификат иностранца, желающего временно иммигрировать в Грузию», состоящий из двенадцати пунктов. Бондарь, не собиравшийся иммигрировать ни в эту, ни в какую-либо другую страну, нахмурился. Не улучшилось настроение и во время процедуры скрупулезного изучения его паспорта и затянувшегося просвечивания сумки на остановленной ленте транспортера. Таможенники напоминали Бондарю торговцев мимозами или мандаринами, обрядившихся для пушей важности в одинаковую форму. Все как один прекрасно понимали по-русски, но все как один безбожно коверкали язык, на котором свободно изъяснялись их отцы и

деды. После революции грузинские власти резко изменили отношение к России, и это были еще цветочки. Можно было не сомневаться, что не за горами то время, когда урожай ядовитых ягодок вконец отравит традиционно добрососедские отношения между обеими странами.

Очутившись под неправдоподобно голубым небом, на свежем воздухе, благоухающем розами, пиниями и кипарисами, Бондарь закурил и решил, что, несмотря ни на что, после серо-слякотной осенней Москвы ему здесь нравится. Как бы предлагая не спешить с выводами, к нему приблизился расхлябанный полицейский с засаленным воротником и стал настойчиво предлагать обменять рубли на лари. Перед вылетом Бондарь побывал у банкомата, так что в карманах у него хватало и долларов, и рублей, но полицейского он все же отшил, предпочтя воспользоваться одним из валютных киосков на площади.

Тут выяснилось, что грузинский лари примерно равен половине американского доллара. На сотне красовался какой-то подозрительный Давид Строитель, на пятидесятке – царица Тамара, а самую мелкую купюру достоинством в один лари отвели под портрет Пиросманишвили. Ознакомившись с бумажными деньгами, Бондарь не поленился разменять трех «Пиросмани» на монетки, именовавшиеся здесь «тетри», то есть «серебро». Правда, по дороге к стоянке такси добрая половина мелочи перекочевала в грязные лапки тбилисских гаврошей, не дававших проходу приезжим. Учитывая, что размер средней пенсии в Грузии составлял семь лари, щедрый Бондарь показался им богатым, как Крез. Один из маленьких попрошаек едва не просочился за ним в такси, а второй безуспешно попытался стибрить сумку. Наградив его беззлым подзатыльником, Бондарь велел ехать к гостинице «Иверия», где обычно останавливался Роднин в незапамятные доперестроечные времена.

– Давно не бывал в Тбилиси, дорогой? – спросил таксист, скосив глаз.

– А что? – насторожился Бондарь, не имевший обыкновения распространяться о своих путешествиях по странам СНГ.

– Почему выбрал «Иверию», а не какую-нибудь другую гостиницу?

– Один хороший человек порекомендовал.

– Хороший человек, понятно...

Из-за терпкого грузинского акцента реплика прозвучала особенно саркастически.

– Это дешевая гостиница? – предположил Бондарь.

– Зачем дешевая? Дорогая, даже очень дорогая, – пожал плечами таксист, уверенно ведя «жигуленок». Бондарь сунул в рот сигарету и поинтересовался, придерживая фильтр зубами:

– Сколько же стоит одноместный номер в «Иверии»?

– От семидесяти до ста лари в сутки, – последовало в ответ. – В частных гостиницах немного дешевле, но они всегда забиты постояльцами.

– Красиво живете, – обронил Бондарь, прикуривая.

– Еще бы, – согласился таксист. – Буханка хлеба – доллар. Бутылка пива – полтора. Европейский уровень жизни, говорит наш дорогой президент. В следующем году обещает догнать американцев.

– В общем, времени не теряет...

– Не теряет, нет. Молодой, бодрый, полный сил. Вон он, на каждом углу любимым соотечественникам улыбается.

Проследив за жестом таксиста, Бондарь обратил внимание на множество идентичных плакатов, изображавших мужчину с маниакально-счастливым выражением как будто намазанной физиономии. Было очевидно, что рост цен этого упитанного и хорошо одетого человека абсолютно не пугает, а, может быть, даже вдохновляет на новые свершения. Его вскинутая вверх рука то ли имитировала, то ли пародировала нацистское приветствие.

– Что написано на плакатах? – полюбопытствовал Бондарь.

– «Так победим», – перевел таксист.

– Кого?
– Кого надо. Всех, наверное.
– А как – «так»?
– Это ты у него спроси, – проворчал таксист, кивнув на очередной плакат. – Он расскажет. Он мастер рассказывать.

Бондарь, органически не переваривавший краснобаев и демагогов всех мастей, умолк, вглядываясь в город, раскинувшийся за окнами. Подобная панорама могла привести в восторг любого безумца, одержимого страстью разрушения. Склоны гор представляли собой невообразимое скопище трущоб, а центральные улицы Тбилиси напоминали полки гигантской этажерки, на которых каждый мостил все, что взбредет в голову. Из окон каменных скворечников торчали уродливые трубы, что свидетельствовало об отсутствии центрального отопления. Женщин было мало, и все они изнемогали под тяжестью набитых кошелок. Мужчины чинно сидели на корточках, беседуя о том о сем, или же отчаянно жестикулировали, вызверившись друг на друга. Вооружись они автоматами, и Тбилиси превратился бы в точную копию любого города Ближнего Востока, пережившего если не миротворческие бомбардировки, то оккупацию.

Автомобилей на улицах хватало с лихвой, но все это были разболтанные «Жигули» или дряхлые иномарки с притороченными к крышам багажниками. После Москвы с ее «Ягурами», «Линкольнами» и «Бентли» зрелище было довольно-таки убогим. Бондарь не удержался от улыбки, заметив, с какой гордостью поглядывает на окружающих владелец «Мерседеса» серии «С» с круглыми фарами. Можно было не сомневаться, что он воображает себя по меньшей мере внучатым племянником Рокфеллера. Или внебрачным сыном Шеварднадзе.

Улыбка исчезла с губ Бондаря, когда таксист притормозил в конце проспекта Руставели и объявил, что они приехали. Площадь перед гостиницей казалась созданной по проекту Минотавра, представляя собой дичайшее нагромождение нелепых эстакад, пандусов, подземных туннелей и фонарей, выполненных почему-то в виде иудейских семисвечников.

Что касается самого здания «Иверии», то оно походило на Ноев ковчег, поднятый со дна морского. Весь фасад был увешан байковыми одеялами, нижним бельем и простынями, помеченными желтоватыми разводами. На лоджиях, отделенных друг от друга металлическими сетками, визгливо переругивались носатые матроны в попугаистых халатах. Даже не приближаясь к гостинице, можно было с уверенностью сказать, что она кишмя кишит опасным людом, крысами и тараканами.

– Беженцы из Абхазии, – пояснил таксист, зевая. – Привыкли здесь. Вот только мы к ним никак привыкнуть не можем.

– Мы у себя в Москве тоже, – заверил его Бондарь.

– На то она и Москва. Большой город, очень большой. Всем места хватит.

– Ты думаешь?

– Что тут думать? У меня в Москве одних родственников человек сто. Я тоже туда собираюсь. Вот накоплю денег и уеду. Возле Красной площади поселюсь, такая у меня мечта.

Заставив себя никак не отреагировать на такое заявление, Бондарь сухо спросил:

– Какие тут у вас еще имеются гостиницы? Чтобы без подштанников на балконах и без беженцев.

– «Метехи», – ответил таксист. – Одноместный номер там стоит около двухсот лари.

Союзнички снабдили Бондаря неожиданно приличной суммой, чтобы махнуть рукой и скомандовать:

– Вези-ка меня туда.

Экономить американские деньги почему-то не хотелось. Во всяком случае, не больше, чем сотрудничать с ЦРУ.

В лабиринтах загадочной русской души

13

Когда пару часов спустя Бондарь спустился в холл гостиницы, неприметный человек, листавший газету за журнальным столиком, сделал два контрольных снимка посредством камеры «Миниай», вмонтированной в корпус зажигалки. Объект фиксировался в профиль, пока стремительно шагал к выходу. Из-за того, что короткая куртка, свитер и даже джинсы были на нем черные, снимки получились не слишком удачные. В холле было темновато. Идущий Бондарь почти сливался с фоном.

Выйдя на улицу, он стал выяснять у прохожих, как добраться до площади Горгасали. Это было на руку второму фотографу, следившему за Бондарем из небольшого продуктового фургона с рекламой окорочков, порхающих вокруг нью-йоркской статуи Свободы. На этот раз снимки делались с помощью телевика «Кэнонфлекс», так что качество было идеальным. Дождавшись, пока Бондарь удалится, водитель фургона опросил тбилисцев, с которыми он беседовал. Проинформировав начальство о том, куда направляется объект, неизвестный немедленно поспешил туда же.

Не подозревая обо всей этой суете, Бондарь пересек проспект Руставели, прогулялся вдоль набережной и нырнул в лабиринт улочек старого города.

Тбилиси, вытянувшийся вдоль Куры, размещался в естественном амфитеатре, стиснутом каменными ладонями гор. Жилые кварталы ярусами карабкались по близлежащим склонам, теснясь на террасах и скалистых утесах. Над всем этим хаосом возвышалась святая вершина Мтацминда.

Бондарь, бегло изучивший путеводитель по городу, знал, что грузинское слово «тбили» означает теплый. Название происходило от множества теплых лечебных источников, бьющих со дна котловины. В первом веке нашей эры царь Вахтанг Горгасали, охотившийся в окрестностях, ранил стрелой фазана. Упавшая в серный источник птица исцелилась, а царь повелел возвести здесь свой дворец.

С тех пор в районе площади Горгасали один за другим вырастали купола серных бань. Отдаленно напоминая минареты, украшенные цветными изразцами, они таили под собой подземные помещения, на полукруглых сводах которых никогда не просыхали капли испаряющейся воды. Несмотря на серный смрад, в Средние века бани являлись для тбилисцев чем-то вроде клубов, где с утра и до нового рассвета обсуждались сделки, устраивались смотрины невест или проходили шумные пирушки с песнями и плясками. Теперь из семидесяти куполов уцелели двадцать, и вокруг них не наблюдалось желающих оздоровиться.

Миновав площадь, Бондарь остановился перед симпатичным особнячком из темно-красного кирпича. Увитый виноградом и розами, он выглядел как жилище процветающего буржуа средней руки. Впечатление портили обилие припаркованных рядом автомобилей, решетки на окнах и очень уж официальная дверь с медной табличкой компании «Эско».

Протиснувшись между изумрудной малолитражкой «Рено» и продуктовым фургоном с рекламой окорочков, Бондарь легко взбежал по ступеням и проник в офис, понятия не имея, что здание возведено на месте снесенной бани, и мраморный пол, по которому он шагает, нависает над подвалом, поражающим масштабами и толщиной стен. Там, внизу, имелось все, что могло понадобиться сотрудникам спецслужб, вплоть до лаборатории и прекрасно оборудованной пыточной камеры. Внешне же все выглядело пристойно. Вставший навстречу посетителю привратник вежливо откликнулся на приветствие.

– У меня назначена встреча с Барри Кайтом, – сказал ему Бондарь, не потрудившись добавить к имени генерального директора фирмы уважительное «мистер». Это было у него в крови. Может быть, с детства, когда ему впервые прочли стихи про мистера Твистера, бывшего министра, владельца заводов, газет, пароходов. У юного Бондаря были совсем другие герои. Капиталистов и иностранных шпионов среди них не было.

– Да-да, – кивнул привратник. – Вас ждут. Предъявите, пожалуйста, паспорт и распишитесь в регистрационном журнале.

После небольшой задержки Бондарь поднялся на второй этаж, а ручка, побывавшая в его руках, отправилась вниз, дабы подвергнуться анализу на предмет отпечатков пальцев и микрочастиц кожи.

Его ждал приторно-вежливый человек, не поленившийся трижды извиниться лишь ради того, чтобы сообщить на чистейшем русском языке, что мистери Бондарю для проформы предстоит подвергнуться тестированию на детекторе лжи, проще говоря, на полиграфе.

– Зачем? – нахмурился Бондарь, выражая тем самым неудовольствие не столько по поводу самой процедуры, сколько по поводу чужеродной приставки «мистер».

– Могу только догадываться, – развел руками приторный. – Возможно, руководство желает удостовериться в том, что вы тот, за кого себя выдаете.

– А если я откажусь?

Ответом был новый взмах руками, сопровождавшийся ясной улыбкой прирожденного дипломата или шулера. Оставалось лишь подчиниться необходимости. Что Бондарь и сделал.

Ему было отлично известно, что детектор лжи призван контролировать всевозможные параметры жизнедеятельности человека: произвольные и непроизвольные мышечные сокращения, сердцебиение, слюноотделение, потовыделение, тембр и частоту голоса, дыхание, верхнее и нижнее давление. Тем временем компьютер тщательно анализирует данные и выдает беспристрастное заключение, зачастую неутешительное для неопытного разведчика. Что касается Бондаря, то он знал, как обманывать подобные детекторы. Более того, готовясь к тестированию, он решил слегка повалить дурака, дабы не выдать своего профессионализма. Лучше пусть цээрушники считают, что имеют дело с не слишком уравновешенным недотепой, чем видят в Бондаре опасного соперника, которым он являлся на самом деле. Береженого бог бережет, спору нет. Однако Бондарь привык страховать всевышнего, не в обиду тому будет сказано. О чем не пожалел ни разу за свою карьеру офицера Управления контрразведывательных операций ФСБ.

14

Через несколько секунд приторный провожатый исчез, а Бондарь оказался в просторной светлой комнате, от пола до потолка заставленной приборами непонятного назначения. Посередине стояло медицинское кресло, какие можно увидеть в частных зубокабинетах. Возле кресла стояла миниатюрная носатая шатенка, излучающая скуку и холод. Правда, при виде вошедшего в ее глазах-льдинках вспыхнули искорки интереса. Представившись Ольгой Даниловной, шатенка приказала Бондарю раздеться до пояса и сесть в кресло.

– Терпеть не могу всю эту гинекологию, – буркнул он, скидывая одежду.

– К гинекологии это не имеет ни малейшего отношения, – завершила Бондаря Ольга Даниловна, проворно прикрепляя к его телу присоски датчиков.

Ее пальцы, холодные, как эти присоски, прошли по мужской груди, как бы оценивая ее прочность.

– Готовы? – спросила она.

Получив утвердительный ответ, Ольга Даниловна села рядом, взяла в руки папку с вопросами, перелистнула страницу и обратилась к сидящему в кресле Бондарю, облепленному датчиками и проводами, как новогодняя елка – игрушками.

– Начнем с разминки, – сказала она строго. – Отвечайте только «да» или «нет». Постарайтесь быть максимально искренним. Долго над вопросом не раздумывайте, отвечайте сразу. Итак, приступим. – Ольга Даниловна впилась взглядом в волосяную дорожку, протянувшуюся через середину по-волчьему поджарого живота Бондаря. – Случаются ли у вас приступы желания овладеть незнакомой женщиной?

– У меня не бывает приступов, – поддразнил доктора Бондарь.

Она раздраженно постучала ручкой по бумаге:

– Только «да» или «нет»!

– Нет.

– Преследуют ли вас неотвязные мысли?

– О чем?

– «Да» или «нет», пожалуйста.

– Нет, – буркнул Бондарь.

– Вы явились сюда для переговоров?

– Да.

– Замышляете ли вы какую-нибудь провокацию?

– Нет.

Темп опроса постепенно ускорялся.

– У вас есть оружие?

– Нет.

– Вы много курите?

– Да.

– Намереваетесь ли вы проводить в Тбилиси силовую акцию?

– Нет, – безмятежно ответил Бондарь. – Пока нет.

– Без уточнений и оговорок, пожалуйста, – напомнила Ольга Даниловна. – Вы приверженец демократических ценностей?

– Смотря в каком смысле.

– В общепринятом.

– Без уточнений и оговорок, пожалуйста, – скопировал Бондарь интонацию Ольги Даниловны.

Она нахмурилась:

– Вы выступаете под своим настоящим именем?

– Да.

– Вы довольны своей потенцией?

– Нет.

Сверившись с показаниями, высветившимися на экране ноутбука, Ольга Даниловна укоризненно покачала головой:

– Ложь. Вы довольны, о чем свидетельствуют показания компьютера.

– Я доволен лишь тем, что не обманываю ожидания других, – пожал плечами Бондарь.

– А вы прелюбопытный экземпляр. – Взгляд Ольги Даниловны затуманился. – С вами опасно иметь дело. Признайтесь, на вашем счету множество побед на любовном фронте. Я права?

– Это праздный вопрос или он имеет отношение к делу?

– «Да» или «нет»?

– Нет.

– Опять лжете! – торжествующе воскликнула Ольга Даниловна. – Что ж, теперь именно это от вас и требуется. Я продолжу задавать вопросы, а вы будете отвечать неправду. Итак, первый вопрос: присваиваете ли вы чужие деньги, если имеете такую возможность?

– Да, – буркнул Бондарь.

– Фальшь, явная фальшь! Старайтесь врать как можно искреннее. Попробуем еще раз. Другой вопрос: избегаете ли вы трудностей?

– Да.

– Вас легко ловить на лжи, – позволила себе улыбку Ольга Даниловна. – С моей точки зрения, вы никудышный профессионал. Постарайтесь сосредоточиться. Не волнуйтесь. Итак, третий вопрос: вы готовы пожертвовать собой во имя так называемого долга?

– Нет, – твердо ответил Бондарь.

– Уже лучше, но все равно плохо, – констатировала Ольга Даниловна. – Что ж, перейдем к последнему этапу нашего собеседования. Дальше я задам вам приблизительно тридцать вопросов, которые иногда дублируют друг друга. – Она отложила ручку и села поудобнее. – Прислушивайтесь к хлопкам моих ладоней. Два хлопка – вы говорите правду. Один хлопок – вы должны попытаться обмануть полиграф. Ясно?

– Так точно, – отрапортовал Бондарь.

– Начнем. Будьте внимательны. Раздражает ли вас эксперимент? – Ладони Ольги Даниловны соприкоснулись.

– Нет.

– Вы любите американские боевики? – Хлопок.

– Да.

– Способны ли вы убить человека, чтобы избавить его от боли? – Два звонких хлопка.

– Да, – помрачнел Бондарь.

– Бывают ли у вас приступы тоски без видимой причины? – Снова два хлопка.

– Да.

– Вас терзают угрызения совести по ночам? – Один хлопок.

– Нет.

– На свете существуют люди, которых вы любите по-настоящему? – Еще один хлопок.

– Нет.

– Часто ли вы решаете действовать очертя голову, вопреки осторожности и здравому смыслу? – Два хлопка.

– Да.

Ольга Даниловна задала еще пару десятков вопросов и умолкла, анализируя показания компьютерной программы. Бондарь, расслабившись, полулежал в кресле, смотрел в потолок и лениво размышлял о том, что перехитрить детектор лжи не труднее, чем человека. Например, подвергаясь допросу, ты представляешь себе, что человек, задающий вопросы, разговаривает не с тобой, а с кем-то посторонним. Тогда, выслушав вопрос, на который нужно ответить утвердительно или отрицательно, остается лишь выждать мгновение, задав самому себе *другой* вопрос. Вопрос с заведомо однозначным ответом.

Тебя спрашивают: «Вы когда-нибудь предавали родину?» Нужно ответить «нет», но если ты покривишь душой, детектор немедленно поймает тебя на лжи. Поэтому ты спрашиваешь себя: «Поручил бы ты приватизацию собственной квартиры Анатолию Чубайсу?» Или: «Доверил бы ты распоряжаться своими вкладами какому-нибудь Герману Грефу?»

Твердое «нет» засчитывается машиной как правдивый ответ. Если же следует ответить утвердительно, задавай себе другой вопрос: «Прав ли был Жеглов, когда говорил, что вор должен сидеть в тюрьме?»

Да, тысячу раз да.

В арсенале разведчиков имелись и другие приемы, о чем Бондарю было известно не понаслышке. Человек, владеющий собой, может справиться с любой машиной. Это все равно что всадить в центр «яблочка» девять пуль из десяти. Трудно? Проще простого. При наличии многолетней практики.

«Утка» по-тбилиски

15

Через несколько минут Ольга Даниловна куда-то позвонила и сухо попрощалась с заску-чавшим Бондарем. Все тот же приторно-вежливый человек встретил его за дверью, предложив следовать за ним.

Прямой светлый коридор привел их в просторную приемную с двумя камерами видео-слежения под потолком. Сопровождающий удалился, оставив Бондаря наедине с по-иностранным сияющей секретаршей в мини-юбке. Она поспешила открыть дверь кабинета и, благоухая дивной парфюмерией, отступила в сторону:

– Пли-из.

– Сэнк ю вэри мач, – ответил Бондарь, пародируя произношение отпетого двоечника.

Переступив порог, он очутился в квадратном помещении, устланном пушистым ковром, скрадывающим шаги. На кремовых стенах висели гравюры и фотографии в элегантных рамках. В центре стоял стол с парой глубоких кресел по бокам. Третье кресло занимал молодой мужчина с благородными сединами телепроповедника или дирижера филармонии. Все его движения были преисполнены женственной грации. Когда он поднялся, чтобы манерно протянуть визитеру руку, Бондарь пожал ее с таким чувством, словно обстоятельства вынудили его поздороваться с гомосексуалистом. После этой процедуры он сунул ладонь в карман и незаметно вытер ее об подкладку куртки.

– Прошу садиться, – улыбнулся Барри Кайт, на мгновение уподобившись рекламному ковбою. – Сигарету? Правда, я предпочитаю старые добрые «Мальборо», а не ваши любимые «Монте-Карло».

– А я наоборот, – ответил Бондарь, отвергнув жестом предложенную пачку.

Он никак не отреагировал на осведомленность собеседника, однако взял эту показушную осведомленность на заметку. Сигарета, которую он закурил, усевшись в кресло, доставила ему меньше удовольствия, чем обычно. Весь из себя аристократичный Кайт, забросивший ногу за ногу, не внушал Бондарю ни доверия, ни просто уважения. Держась подчеркнуто прямо, он с нажимом произнес:

– Вы знаете, зачем я здесь.

– Еще бы мне не знать, – усмехнулся американец, русское произношение которого было не просто отличным, а безупречным. – Как я должен к вам обращаться? Товарищ капитан? Евгений Николаевич?

– Товарищ – это уж слишком, – рассудил Бондарь. – Давайте лучше по имени-отчеству.

– Отлично, – обрадовался американец, как будто ему предложили ознакомиться с секретными документами Федеральной службы безопасности. – Тогда можете называть меня Борисом Натановичем. Я русский по происхождению, хотя родился в Индианополисе.

Бондарь слегка нахмурился:

– Русский?

– Мой отец носил фамилию Коршунов, – заверил его Кайт.

– Эмигрант?

– Военнопленный. В сорок пятом судьба занесла его в Америку, там он и остался доживать свой век.

– Очень удобно, – заметил Бондарь, упрямо не желая расцветать в ответ на доброжелательную улыбку собеседника. – В мирное время ваш отец даже мечтать не мог о такой удаче. Подфартило ему. Не зря говорят: кому – война, а кому – мать родна.

Кайт, продолжавший скалить зубы, почувствовал, что ему трудно растягивать губы в привычной улыбочивой гримасе. Будь его воля, беседа с русским продолжилась бы в холодной камере для интенсивной обработки, где имелось все, чтобы укоротить чересчур длинный язык обнаглевшего капитана. Там, в ярком свете галогенных ламп, распластанный на специальном металлическом столе, он вряд ли позволил бы себе подобные высказывания.

В свою очередь, Бондарь тоже едва сдерживался, чтобы не нагрубить американцу, сидящему напротив. Чересчур много таких вот «мистеров кайтов» развелось по всему миру, в особенности там, где еще недавно простиралась территория СССР. «Кайт» в переводе с английского означало «коршун», но, по мнению Бондаря, этот тип был скорее стервятником. Ни его безукоризненный костюм, ни подобранный в тон галстук, ни седая шевелюра не скрывали сущности резидента ЦРУ. Он являлся пожирателем падали, терпеливо дожидаящимся, пока жертва окажется неспособной к сопротивлению. Так и хотелось сказать ему: «на-ка, выкуси», сопроводив это соответствующим жестом. Но Бондарь лишь тщательно затушил окуроч в керамической пепельнице и предложил:

– Давайте отложим обсуждение вашей родословной до лучших времен, Борис Натанович. Я прибыл сюда совсем для другого. Перейдем к делу?

Улыбка Кайта сделалась насмешливой.

– Нет, – произнес он, с удовольствием выговаривая каждое слово, – это невозможно.

– У вас изменились планы? – выгнул бровь Бондарь.

– Можно сказать и так.

– А если поточнее?

– А если поточнее, – заявил Кайт, – то вы напрасно приехали, Евгений Николаевич. Господин Гванидзе не может больше представлять интереса ни для вас, ни для нас.

– Почему?

– Потому что вчера в полдень его похоронили. Три дня назад он был убит.

16

Пауза получилась, что называется, драматическая.

– Как? – вырвалось у Бондаря.

– Насколько мне известно, из двух автоматов Калашникова, – безмятежно пояснил Кайт, сделавший вид, что не понял смысла вопроса. – Гванидзе расстреляли на пороге его собственного дома. Вероятно, бывшие сообщники, если он действительно был причастен к террористической деятельности.

– У нас есть неопровержимые доказательства его причастности!

– Кстати, о доказательствах. – Кайт сменил позу, чтобы, перегнувшись через стол, протянуть руку с ухоженными ногтями. – Материалы можете передать мне. Вас ведь для этого прислали?

– Погодите, – сказал Бондарь, собираясь с мыслями. – Новость слишком неожиданная. Я хотел бы убедиться, что Гванидзе действительно мертв.

– Нет ничего проще...

На стол легла тощая газетенка, которую американец предупредительно раскрыл на середине, черкнув ногтем по заголовку «В последний путь».

– Это единственная газета, которая выходит в Тбилиси на русском языке, – пояснил он. – Если вам этого недостаточно, можете изучить остальную прессу. Аналогичные сообщения появились во всех изданиях.

Я бы удивился, если бы было иначе, подумал Бондарь. Рецепт приготовления газетной утки незатейлив. Один подкупленный журналист стряпает заказную статью и размещает ее сразу в нескольких газетах, делясь гонораром с редакторами. Получается дешево и сердито. Что ж, притворимся, что мы готовы проглотить эту грубую стряпню с американским душком.

Разложив перед собой пахнущий типографской краской номер «Новой Грузии», Бондарь пробежался глазами по строчкам сообщения. Там говорилось не столько о самом убийстве Гванидзе, сколько о его похоронах, состоявшихся вчера на Сабурталинском кладбище в Тбилиси. Его предали земле в закрытом гробу, поскольку в области головы и шеи убитого было зафиксировано восемь сквозных пулевых ранений. Если это было так, то придать покойнику пристойный вид не сумели бы никакие ухищрения специалистов.

Если это было так.

– Тут говорится, что Гванидзе был предпринимателем и меценатом, – буркнул Бондарь, выражая всем своим видом недовольство подобным оборотом событий.

– Теперь он предпринимателем и останется, – ханжески вздохнул Кайт. – Ворошить прошлое бессмысленно. Нет человека – нет проблемы. Так, кажется, говорил товарищ Сталин?

– Возможно, – рассеянно пробормотал Бондарь, запоминая фамилию журналистки, авторши заметки.

Будет интересно пообщаться с Тamarой Галишвили, подумал он. Конечно, втайне от ЦРУ. Интуиция подсказывала Бондарю, что американцы имеют самое непосредственное отношение к этой темной истории. Очень уж некстати возникли таинственные убийцы с автоматами. *Для русских некстати.* Грузинские должностные лица и их заморские покровители могли быть довольны подобной развязкой. Им остается лишь разводиться руками и сетовать на то, что преступник ускользнул от возмездия. Прямоком на тот свет, где привлечь его к уголовной ответственности не представляется возможным.

– Досадно, очень досадно, – сказал Бондарь, постепенно переоплощаясь совсем не в того человека, который вошел в кабинет директора «Эско» двадцать минут назад.

Напротив Кайта сидел несколько туповатый служака, вынужденный шевелить губами при изучении статьи, чтобы уловить смысл прочитанного. Одного раза ему оказалось недостаточно, поэтому, доведя пальцем до последней строчки, он возвратился к началу, озадаченно почесывая подбородок:

– Угу... угу... Хм?

– Вам что-то неясно? – нетерпеливо спросил Кайт.

– «Красивый двухэтажный дом с окнами, выходящими на озеро Табацкури, опустел, – зачитал Бондарь вслух, придав голосу заунывную интонацию. – Его хозяин ушел из жизни, оставив о себе добрую память в близлежащих селениях района Марнеули...»

– Пусть вас это не смущает, – быстро сказал Кайт. – Память штука недолговечная. Завтра про Гванидзе забудут, а его дом разграбят и присвоят. Вот и вся добрая память. Журналисты приплели ее для красного словца.

– Не в этом дело.

– А в чем?

– Меня удивляет, что похороны состоялись в Тбилиси, а не в том же Марнеули, – пояснил Бондарь. – Зачем было везти труп так далеко?

– Заказное убийство, – откликнулся Кайт, пожимая плечами. – Дело Гванидзе на контроле у больших полицейских чинов. Экспертиза проводилась в столичной клинике, мы наводили справки. Так что все логично.

На первый взгляд логично, мысленно отметил Бондарь.

– Выходит, я приехал напрасно, – растерянно произнес он вслух. – Почему вы сразу не поставили нас в известность о смерти Гванидзе?

– Я и сам узнал об этом не далее как сегодня. Как вы понимаете, у меня в Тбилиси и других дел хватает.

В том, что у резидента ЦРУ хлопот полон рот, Бондарь не сомневался. Очень уж бурную деятельность развили Соединенные Штаты на Кавказе.

17

Пресловутая революция роз обернулась для Грузии железными тисками долговых обязательств. Разоренную «демократическими» преобразованиями страну лишили права голоса в ООН, однако Запад, закармливавший Тбилиси кредитами и траншами, внакладе не остался. Страна фактически очутилась в полной зависимости у «спонсоров», среди которых лидировал госдеп США с его многомиллионными займами в рамках программы «Содействие в борьбе с терроризмом». Усердствовал также Фонд господина Сороса, на тайном содержании которого состояли многие видные чиновники администрации президента Грузии. Суммы, которыми ворочали на самом верху, не подлежали никакому учету, поскольку деньги поступали с частных счетов, через цепочки подставных лиц.

Вот почему господа из Лэнгли наезжали в Тбилиси, как к себе домой, покровительственно похлопывая по плечам грузинских силовиков. Государственный департамент разведки и Министерство госбезопасности Грузии являлись, по существу, местными филиалами ЦРУ. Их деятельность жестко контролировалась иностранными специалистами. Оружие, оборудование и техника спецслужб принадлежали американцам. Превратив Грузию в плацдарм для распространения своего влияния на Северном Кавказе, они все активней вытесняли отсюда русских. С отравленным кинжалом за пазухой и миротворческой улыбкой на устах. Улыбкой, идентичной той, которую Бондарь созерцал на протяжении затянувшихся переговоров.

– Жаль, – вздохнул он, сворачивая газету таким образом, чтобы бросить взгляд на адрес редакции: улица Гудиашвили, 17. – Даже не знаю, как быть. Не думал, что моя командировка в Тбилиси окажется столь безрезультатной и столь...

Видя замешательство собеседника, Кайт закончил вместо него:

– И столь непродолжительной, вы хотели сказать?

– Ну да, – снова вздохнул Бондарь. – Кому я должен отчитаться о расходах и передать сэкономленную сумму?

– Хотите дружеский совет, Евгений Николаевич?

Заклятый враг, дающий дружеские советы, – это было что-то новенькое. Прикинувшись заинтригованным, Бондарь приподнял брови:

– Да?

– Оставьте деньги себе, – мягко произнес Кайт.

– Нет, это невозможно. В Москве меня не поймут.

– Зато вас отлично понимают здесь, Евгений Николаевич.

Серо-голубые глаза Бондаря прояснились. Как бы сдерживая охватившее его волнение, он повертел в руках зажигалку и неуверенно произнес:

– За такие фокусы меня по головке не погладят.

– А кто узнает о нашей маленькой хитрости? – искренне удивился Кайт.

– Могу ли я вам доверять?

– Мы мужчины, не так ли? А каждому мужчине иногда хочется отвлечься от будничной рутины. Тем более, располагая для этого свободным временем.

– Вообще-то да, но...

Бондарь запнулся, потупившись, как красная девица, чтобы скрыть выражение глаз под опущенными ресницами.

– Никаких «но»! – воскликнул Кайт, спеша закрепить достигнутый успех. – Мы ведь союзники, а союзники обязаны помогать друг другу. – Он возбужденно потер ладони. – Итак, будем считать, что ваша миссия продолжается, Евгений Николаевич. Кстати, у вас подходящее имя для разведчика. Женя Бондарь! Звучит почти как Джеймс Бонд.

– Насколько я помню, Джеймс Бонд не испытывал финансовых затруднений, – обронил Бондарь, давая понять, что завербовать его будет не так трудно, как могло показаться вначале.

Кайт заразительно расхохотался, запрокинув голову.

– Это поправимо, мой друг, – сказал он, дав волю чувствам. – Не думаете же вы, что у вас отберут выданные деньги? Для нашей организации это пустяки, мелочь. – Кайт сдул с ладони воображаемую пыль. – Гуляйте, наслаждайтесь свободой, отдыхайте. С вашим руководством я переговорю сам. Будем считать, что ЦРУ попросило вас задержаться в Тбилиси для небольшого расследования.

– Расследование? – тревожно переспросил Бондарь.

– Ну-ну, это всего лишь блеф. Я скажу генералу Волопасову, что мы вместе хотим разобраться в обстоятельствах гибели Гванидзе.

– А на самом деле?

Кайт хлопнул себя по ляжкам:

– А на самом деле, зачем нужно расследование, когда мертвого все равно не воскресить! Резонно?

– Вполне, – кивнул Бондарь.

– Тогда по рукам?

– Но где гарантии, что правда не всплывет наружу?

– Посмотрите на меня, – предложил сделавшийся необычайно важным Кайт. – Вы видите перед собой американского офицера. Мое честное слово вас устроит?

– Ваше? – протянул Бондарь. – Еще бы!

– Итак, Гванидзе мы похоронили и забыли...

– Похоронили и забыли...

– А себя можете считать в краткосрочном отпуске. Двух дней вам хватит?

– Русские говорят: бог троицу любит, – заметил Бондарь.

– А, гулять так гулять! – Кайт махнул рукой, подражая залихватскому жесту ухаря-купца из какого-то голливудского фильма. – Даю вам прикрытие на трое суток. Только не забудьте оставить мне досье. – Приподнявшийся Кайт вторично протянул руку, шевеля пальцами. – Давайте же, Евгений Николаевич. Для вас это теперь лишняя обуза.

– Э, нет, так не пойдет! – отстранился хитро прищурившийся Бондарь.

– В чем дело? – опешил Кайт.

– Не хочу остаться в дураках.

– У меня и в мыслях не было подвести вас, мой друг!

– Бумаги получите по истечении трех суток, – нахально заявил Бондарь. – Если, конечно, я не просажу деньги раньше.

– Ах да! – заулыбался Кайт, с лица которого не до конца исчезла тень легкого недовольства. – Широкая русская душа.

– Душа душой, а мозги мозгами. – Бондарь многозначительно постучал себя по лбу, не стесняясь предстать перед американцем полным идиотом. – Конверт пока побудет у меня. Мне велено получить с вас расписку, а если она будет помечена сегодняшним числом, то как я объясню это на Лубянке?

– Бога ради, я готов проставить любое число!

– Нет, давайте уж действовать последовательно, – заупрямился Бондарь. – Я хочу подстраховаться.

Барри Кайт призадумался: предложение собеседника его почему-то смущало. Почему? Да потому, что ему не терпелось завладеть документами, присланными из Москвы, ответил себе Бондарь. Оригинальные образцы отпечатков пальцев Шалаева и Гванидзе, акт, подтверждающий их идентичность... В том случае, если похороны, описанные в газете, состоялись, то от этих улик толку мало. Если же Гванидзе воскреснет под новой фамилией, то результаты экспертизы могут здорово попортить кровь тем, кто заинтересован в его исчезновении.

Бондарь был уже почти убежден в том, что главный режиссер дешевого спектакля находится перед ним. Согласившись сотрудничать с ФСБ, цээрушники попросту решили схитрить, завладев документами, но не выдав человека, которого эти документы касались. Вряд ли игра затевалась исключительно для того, чтобы насолить Москве по принципиальным соображениям. ЦРУ прятало концы в воду. Маскировало те самые ниточки, которые напрямую или косвенно связывали Вашингтон с чеченскими боевиками. Допустить суд над Гванидзе было слишком рискованно. А вдруг его показания замарают светлый имидж американских борцов с международным терроризмом?

Похоже, размышления Кайта сводились примерно к тому же самому, поскольку, взвесив все «за» и «против», он решительно произнес:

– В таком случае я тоже подстрахуюсь. С вашего позволения.

Последняя реплика прозвучала саркастически. Мнение Бондаря абсолютно не интересовало американца. Сняв телефонную трубку, он набрал три цифры номера внутренней связи и коротко распорядился по-английски:

– Зайдите ко мне.

Бондарь, сидевший спиной к двери, напрягся. События принимали неожиданный оборот.

Сногшибательная мисс Лиззи

18

Ожидать пришлось недолго. Мужчины успели лишь сунуть в губы по сигарете и поднести к ним зажигалки, когда дверь распахнулась, пропуская в кабинет нового участника переговоров.

Участницу, как мысленно уточнил Бондарь, следивший за происходящим позади себя с помощью отражения в стеклянной поверхности одной из гравюр на стене.

– Собираетесь составить протокол о намерениях? – пошутил он, не соизволив обернуться.

Кайт сдержанно улыбнулся, глядя вверх его головы:

– Обойдемся без протокола... Проходите, Лиззи, come on, come on. – Он сделал приглашающий жест. – Знакомьтесь. Мистер Бондарь. Не путать с Бондом, ха-ха...

– Bravo, – произнесла женщина, приблизившаяся к столу.

Еще не видя ее, Бондарь догадался, что она принадлежит к числу тех холеных холодных красавиц, близость с которыми тешит мужское самолюбие, но не затрагивает сердце. Прежде всего от нее веяло стерильной чистотой, а уж потом парфюмерией.

– Bravo? – переспросил он, втягивая ноздрями холодный аромат, исходящий от Лиззи. – Могу я узнать, чем именно вы восхищаетесь?

– Не вами, нет, – качнула она головой.

– Это ее фамилия, – вмешался Кайт, даже не подумавший привстать или хотя бы принять менее вальяжную позу. – Лиззи Bravo, прошу любить и жаловать.

– Жа-ло-вать, – повторила Лиззи по слогам, после чего слегка нахмурилась. – Жальеть? Жальоваться?

– Да, ее русский оставляет желать лучшего, – прокомментировал Бондарь, тоже оставшийся сидеть на месте.

Так и не дождавшись, пока он повернет голову, американка расположилась в кресле напротив. Она была молода, свежа и хороша собой, правда, из-за тщательно зализанных за уши каштановых волос ее голова казалась чересчур маленькой, а шея – непропорционально длинной. Челку заменяли отдельные жесткие пряди, перечеркивающие лоб до самых бровей. Должно быть, парикмахерша, создавшая эту прическу, не могла похвастаться пышной шевелюрой, и, прореживая волосы клиентки, уравнила свои и ее шансы.

– Надеюсь, – сказал Кайт, внимательно наблюдавший за реакцией Бондаря, – после общения с вами Лиззи заговорит по-русски так, как будто родилась в России.

– Да, мне нужен прэктик, – согласилась она, закидывая ногу на ногу.

Свободные джинсы и пушистый свитер не позволяли оценить ее фигуру, но одно можно было сказать наверняка: плечи у Лиззи Bravo не покатые, бедра не чересчур широкие, а ноги не коротковаты. Несмотря на то что внешние данные американки никаким образом не касались Бондаря, он испытал нечто вроде удовлетворения. Ему всегда было неловко общаться с женщинами, относящимися к своей фигуре, как к мешку с картошкой.

– Что подразумевается под практикой? – спросил он, переводя взгляд с Лиззи на Кайта и обратно.

– Anything, – ответил американец. – Все, что угодно.

– Hey, slow down! – возмутилась Лиззи.

Из последовавшего диалога Бондарь уяснил несколько неожиданных для себя вещей. Первое: мистер Кайт намеревался приставить к нему девушку в качестве сопровождающего лица, тем самым ограничивая его свободу. Второе: будучи стажером, мисс Браво в принципе не возражала таким образом послужить отечеству, но ее смущала формулировка «все что угодно», поскольку, являясь феминисткой по призванию, она негативно относилась к любым проявлениям мужского шовинизма. Третье: на протяжении трех суток начинающей разведчице предписывалось не выпускать объект из виду надолго, чтобы исключить всякого рода форс-мажорные обстоятельства.

– Так не пойдет, – заявил Бондарь, закуривая неизвестно какую по счету сигарету. – Я не нуждаюсь в услугах этой особы. – Он кивнул на Лиззи, по красивому лицу которой пробежала судорога. – Если мне понадобится женщина, я предпочитаю выбрать ее сам.

– О'кей, – легко согласился Кайт. – Давайте сюда конверт и наслаждайтесь свободой выбора. Нет – довольствуйтесь обществом мисс Браво.

– Она не в моем вкусе.

– Christ! – возмутилась Лиззи. – You can't do that this way! I'm not a slave!

– Возмущается, – перевел Бондарь, словно кто-то попросил его об этом. – Утверждает, что она не рабыня.

К этому моменту он начал понимать, что предложенный Кайтом вариант не так плох, как могло показаться. Если не будет Лиззи, то ее заменят какими-нибудь шпиками мужского пола, находиться под надзором которых еще утомительней. Навесят радиомаячок, обставят «жучками», окружат неусыпной заботой и вниманием... Нет уж, спасибо, обойдемся.

– Извольте изъясняться по-русски и не капризничать, стажер, – отчеканил Кайт. – Если вас не устраивает работа, можете подыскать себе другую. – Его глаза переметнулись на Бондаря. – Не хочу показаться грубым, но примерно то же самое касается вас. Деньги получены. Их надо отрабатывать.

Вот как он заговорил! Все продается и покупается? А морда не треснет, господин Коршунов?

Тщательно погасив окурок в пепельнице, Бондарь предупредил:

– Скажите этой своей Лиззи, что я, видите ли, не джентльмен. В скатерть не сморкаюсь, но и расшаркиваться перед дамочками не привык.

– Я знаю рюсских мужчин, – вздернула нос американка. – Достаточно хорошо. Это не есть новость.

Бондарь не удержался от ухмылки. Его забавляла самоотверженность Лиззи Браво. Кроме того, ему понравился ее профиль: точеный носик, чуть запавшие щеки, неожиданно волевой для женщины подбородок. Из-за манеры выпячивать нижнюю губу казалось, что американка готовится к поцелую, хотя, конечно, она охотнее укусила бы Бондаря, не спешившего радоваться неожиданному подарку судьбы.

– Разумеется, мы будем жить в разных номерах, – сказал он, глядя в глаза Кайту.

Тот скорчил безразличную мину:

– Если вы готовы оплатить проживание мисс Браво из своего кармана...

Он полагал, что русский, позарившийся на дармовые деньги, не захочет тратить их на кого-нибудь, кроме самого себя. Бондарь не стал его разочаровывать. Лишь досадливо поморщился, признавая тем самым поражение.

Лиззи встала, уставившись в окно поверх его головы.

– Мне необходимо собрать вещи, – заявила она со своим неподражаемым акцентом. – Это будет десять минут.

– Тогда чьезер дьесят мьинут встречаемся на улыице, – поддразнил ее Бондарь, тоже поднимаясь с кресла.

– Вы можете подождать в офисе, Евгений Николаевич, – предложил Кайт, принявший не просто вальяжную, а барскую позу. – Кофе? Коньяк?

– Благодарю за заботу, но я предпочитаю подышать свежим воздухом. Накурено тут у вас. Скривившись так, словно в кабинете американца пахло не табачным дымом, а бог весть чем, Бондарь сухо попрощался и вышел вон.

19

Предположение, что изумрудная малолитражка, припаркованная возле входа в «Эско», принадлежит не кому-нибудь, а начинающей шпионке Лиззи Браво, оказалось верным. Невозмутимо пройдя мимо Бондаря, она сунула в багажник сумку, открыла переднюю дверцу, уселась за руль и включила зажигание. Приглашения присоединиться не последовало, поэтому Бондарь счел необходимым преподнести американке небольшой урок. Если уж она такая строптивая, то укротить ее следовало с самого начала.

Не оглядываясь, он зашагал в сторону площади Горгасали. Шел он довольно быстро, поэтому запыхавшаяся Лиззи нагнала его лишь две минуты спустя.

– В чем состоит проблема? – возмущенно спросила она, преграждая Бондарю путь.

Равнодушно скользнув взглядом по ее вздымающейся груди, он так же равнодушно ответил:

– Ноу проблем. Просто я предпочитаю прогуляться пешком.

– Но это нонсенс! – воскликнула Лиззи. – Зачем ходить, если можно ехать?

– Мне показалось, что ты собралась отчалить в гордом одиночестве, – грубовато произнес Бондарь.

– Ты ошибся. Прошу... – Лиззи сделала неловкий жест в сторону своего автомобильчика. – Плиз, пожалуйста...

Не торопясь принять приглашение, Бондарь с сомнением склонил голову к плечу:

– Потянет ли эта малютка нас двоих?

– О, «Рено Клио» есть надежный автомобиль с хорошими характеристиками. – По сверкнувшим глазам Лиззи было заметно, что она любит машины больше, чем мужчин. – Спортивный двигатель. Сто десять коней.

– Лошадиных сил, – машинально поправил Бондарь.

– Да, да. Мы поедем?

– Уговорила. Но впредь без фокусов.

– The tricks? О каких фокусах ты говоришь?

Настало время прочитать американке небольшую лекцию.

– Я хочу, чтобы в дальнейшем между нами не было недоразумений, – заговорил Бондарь с расстановкой, двинувшись в обратном направлении. – Мне плевать, что ты обо мне думаешь, но можешь быть уверена, что я тоже от тебя не в восторге. – Он поднял руку, отменяя готовые последовать возражения. – Не перебивай... Так вот, если ты станешь портить мне нервы, то я найду способ избавиться от твоего общества. Сомневаюсь, что твоему шефу понравится, если ты сообщишь ему, что русский разведчик исчез в неизвестном направлении. А мне это как... – Бондарь задумался, подыскивая подходящее сравнение, которое не оскорбило бы слух дамы. – Как с горки скатиться, – нашелся он наконец. – С сегодняшнего дня мы не просто партнеры. Ты находишься у меня в подчинении. Усвоила?

– I've got it, – кивнула Лиззи, с выражением мрачной решимости на лице. – Я принимаю твои условия, Джин.

– Если уж хочешь называть меня по имени, то произноси его правильно, – проворчал Бондарь. – Женя.

– Дже... Дженья.

- Же-ня.
- Дже-ня.
- Ладно, для начала сойдет, – смилостивился Бондарь, размещаясь на переднем сиденье зеленого автомобильчика.

Рено наладил выпуск своих малолитражек благодаря знакомству с Гитлером, состоявшемуся на берлинской выставке. Покровительственно похлопав автопромышленника по плечу, фюрер сказал: «Война между нами неизбежна, а после войны Франция станет бедной страной. Вы будете вынуждены строить дешевые, экономичные машины. Советую приниматься за дело прямо сейчас». Вместо того чтобы забить тревогу, по возвращении домой Рено никому не сообщил об угрозе Гитлера, а усадил конструкторов за работу и впоследствии сказочно разбогател. Патриотизм бы никогда не принес ему таких прибылей.

Рассеянно размышляя об этом, Бондарь так же рассеянно слушал бодрый рок-н-ролльчик, включенный американкой. Весь текст состоял из фразы «You make me dizzy, miss Lizzie», повторяемой на разные лады. Надо полагать, песенка была чем-то вроде гимна для мисс Лиззи Браво, и она хотела произвести впечатление на спутника, но Бондарь сделал каменное лицо и молчал, открывая рот лишь для того, чтобы заблаговременно объявить очередной поворот.

Прежде чем отправиться в гостиницу, он решил немного покататься по Тбилиси, запоминая расположение главных улиц и достопримечательностей. В качестве ориентира служила пологая гора со шпилем телебашни. В центре города было относительно просторно и чисто, по вымощенным плиткой тротуарам чинно шагали люди, витрины магазинов сверкали, запах платанов и кипарисов пробивался даже сквозь автомобильную гарь. Но стоило немного углубиться в жилые кварталы, как картина разительно менялась, становясь все более сюрреалистической.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.